

ЛЮДИ, ВЛАСТЬ И ПРИБЫЛЬ

ПРОГРЕССИВНЫЙ КАПИТАЛИЗМ
В ЭПОХУ МАССОВОГО НЕДОВОЛЬСТВА

ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЭКОНОМИКЕ

Джозеф Юджин Стиглиц Люди, власть и прибыль

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54291650

*Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства: Альпина Паблишер; Москва; 2020
ISBN 978-5-9614-3634-1*

Аннотация

Джозеф Стиглиц рассказывает, почему Америка, а вместе с ней и другие страны оказались в кризисе. Основная причина – слепая вера в эффективность рынков, в саморегулирование, в идею о том, что чем больше богатеют владельцы корпораций, тем лучше всем, так как они неизбежно обратят свои сверхдоходы в инвестиции. По мнению Стиглица, рынки неспособны эффективно работать без должного регулирования со стороны государства: иначе общество получает плохо управляемую глобализацию, возрастающую рыночную власть корпораций и ничем не оправданное неравенство доходов.

Автор показывает, как мы пришли к такой ситуации, и дает рекомендации, что нужно делать, чтобы двигаться вперед. В книге представлена альтернатива рейганомике и трампономике – альтернатива, которая опирается на достижения современной экономической науки и должна обеспечить общее процветание.

Содержание

Предисловие	6
Рейганомика, трампономика и посягательство на демократию	13
Часть I	36
Глава 1	36
Богатство народов	47
Контратака	60
Альтернативные теории происхождения богатства народов	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джозеф Стиглиц
Люди, власть и прибыль:
Прогрессивный
капитализм в эпоху
массового недовольства

Переводчик *Вячеслав Ионов*

Научный редактор *Николай Злобин*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Василенко*

Корректоры *М. Смирнова, Е. Чудинова*

Компьютерная вёрстка *К. Свищёв*

Арт-директор *Ю. Буга*

Фотография на обложке *shutterstock.com*.

© 2019 by Joseph E. Stiglitz

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО

«Альпина Пабlishер», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и

иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

*Посвящается моим внукам.
А также друзьям Тони Аткинсоу и Джиму Миррлису, которые так рано покинули этот мир*

Предисловие

Я родился в городе Гэри, штат Индиана, на южном берегу озера Мичиган. Мое детство пришлось на годы золотого века капитализма, но это выяснилось лишь значительно позже. В те времена они не казались особенно золотыми – я был свидетелем расовой дискриминации и сегрегации, вопиющего неравенства, трудовых конфликтов и периодических экономических спадов. Здесь нет ничего удивительного – ведь видишь обычно лишь последствия этого на своих одноклассниках и облике города.

Город был свидетелем индустриализации и деиндустриализации Америки. Его заложили в 1906 г. при строительстве крупнейшего в мире металлургического комбината и назвали в честь основателя и председателя правления компании US Steel Элберта Гэри. Это был монопрофильный во всех смыслах город. Когда я приехал туда на празднование 55-й годовщины своего окончания средней школы в 2015 г., еще до того, как Трамп стал неотъемлемой частью пейзажа, напряженность ощущалась физически, и не без основания. Город шел вместе со всей страной по пути деиндустриализации. Численность его населения едва достигала половины того уровня, что был во времена моего детства. Город выгорел. Он служил съемочной площадкой для голливудских фильмов о войне и апокалипсисе. Некоторые из моих одно-

классников стали учителями, было несколько врачей и юристов и множество секретарей. Печальнее всего на этой встрече звучали одноклассники, которые рассказывали, как они хотели после окончания школы получить работу на комбинате, но страна переживала очередной экономический спад, и им пришлось поступить на военную службу и посвятить свою жизнь охране порядка. Читая список тех, кто ушел из жизни, и глядя на внешний вид оставшихся, можно было судить о неравенстве в продолжительности жизни и уровне медицинского обслуживания в стране. Между двумя одноклассниками завязался спор. Один из них, бывший полицейский, резко критиковал правительство, а другой, бывший школьный учитель, указывал на то, что пенсию и пособия в случае инвалидности бывшие полицейские получают от этого самого правительства.

Когда я уезжал из Гэри в 1960 г. на учебу в Колледже Амхерста в штате Массачусетс, кто мог предвидеть, куда повернет история и как это отразится на моем городе и одноклассниках? Этот город определил мою судьбу: неотступные воспоминания о неравенстве и страданиях заставили меня забыть о пристрастии к теоретической физике и переключиться на экономику. Я хотел понять, почему наша экономическая система обездоливает столько народа и можно ли изменить ситуацию. Но, хотя я изучил выбранную дисциплину – и начал лучше разбираться в том, почему рынки зачастую работают не слишком хорошо, – проблемы не разреши-

лись, а стали только глубже. Неравенство усилилось и вышло за пределы всего мыслимого во времена моей юности. Годы спустя, когда в 1993 г. я вошел в администрацию президента Билла Клинтона сначала в качестве члена, а потом председателя Экономического совета, этим вопросом наконец начали заниматься. Примерно в середине 1970-х гг. или начале 1980 г. неравенство стало резко расти, поэтому в 1993 г. оно было значительно сильнее, чем все, что я помнил.

Изучение экономики привело меня к выводу, что идеология многих консерваторов ошибочна. Их почти религиозная вера в силу рынков – безграничная настолько, что они могли бы в управлении экономикой просто положиться на свободные рынки, – не имела ни теоретического, ни фактического подтверждения. Нам нужно было не убеждать других в этом, а разрабатывать программы и политику, которые могли развернуть опасную тенденцию роста неравенства и потенциала нестабильности, результат финансовой либерализации, начавшейся при Рональде Рейгане в 1980-х гг. К несчастью, вера в силу рынков укоренилась к 1990-м гг. настолько, что сторонниками финансовой либерализации были некоторые мои коллеги в администрации и даже сам Клинтон¹.

Мое беспокойство по поводу роста неравенства лишь усиливалось, пока я работал в Экономическом совете Клинто-

¹ Я описал многие свои сражения тех лет в книге 2003 г. «Ревущие девяностые: Новая история самого успешного десятилетия» (The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade, New York: W. W. Norton, 2003).

на, а после 2000 г. оно стало совершенно невыносимым. Еще никогда со времен, предшествовавших Великой депрессии, на богатейших граждан не приходилась столь большая доля совокупных доходов населения страны².

С момента начала работы в администрации Клинтона на протяжении 25 лет меня мучили три вопроса. Как мы дошли до такой жизни? Куда мы движемся? И можно ли изменить курс? Я подходил к ним как экономист и видел, естественно, как минимум часть ответа в наших экономических провалах – неспособности организовать плавный переход от производственной экономики к экономике услуг, обуздать

² На фоне роста неравенства я вернулся к предмету, который когда-то привел меня в сферу экономики. В книгах «Цена неравенства: Чем сегодняшнее разделение общества грозит нашему будущему» (The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future, New York: W. W. Norton, 2012) и «Большое разделение: Неравенство в обществе, и что нам делать» (The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them, New York: W. W. Norton, 2015) я говорил о том, что ужасающее неравенство превращается в отличительную характеристику американской экономики. В них подчеркивалось, что, если не изменить ситуацию, последствия будут очень масштабными и затронут не только экономические показатели: неравенство в конечном итоге породит в нашем обществе недоверие и развратит политику. Это очень плохо скажется на всех, даже на верхушке, составляющей 1 % населения. В книге «Что надо изменить в правилах функционирования американской экономики: Программа роста и всеобщего процветания» (Rewriting the Rules of the American Economy: An Agenda for Growth and Shared Prosperity, New York: W. W. Norton, 2015), написанной в соавторстве с Нелл Абернати, Адамом Хершом, Сюзан Холмберг и Майком Конзалом, я объясняю, как изменение основных правил функционирования экономики, особенно во времена администрации Рейгана и впоследствии, привело к замедлению роста и усилению неравенства и как можно развернуть эти негативные тенденции, если вновь изменить правила.

финансовый сектор, совладать с глобализацией и ее последствиями, а самое главное – не допустить превращения США в страну с экономикой и демократией 1 % населения, для 1 % населения и по желанию 1 % населения³. И практический опыт, и исследования убедили меня в том, что экономику и политику невозможно разделить, особенно в Америке с ее помешанной на деньгах политикой. Именно поэтому я, хотя и уделяю основное внимание экономике нашей нынешней ситуации, не могу не касаться политики.

Многие составные части этого диагноза стали к настоящему времени хорошо нам знакомыми, включая чрезмерную финансиализацию, плохо управляемую глобализацию и возрастающую рыночную власть. Я показываю, как они взаимосвязаны и как в совокупности они проливают свет на то, почему рост экономики такой слабый и почему плоды этого роста распределяются так неравномерно.

Эта книга, впрочем, не только о диагнозе, но и о рецепте – о том, что мы можем сделать, о пути вперед. Для разговора на подобные темы нужно объяснить, откуда на самом деле берется богатство народов, разграничить создание богатства и его извлечение. Под последним понимается процесс получения богатства путем эксплуатации в какой-либо форме. Реальным источником «богатства народа» явля-

³ В названии моей статьи, опубликованной 11 мая 2011 г. в журнале *Vanity Fair*, перефразируются знаменитые строки Геттисбергского послания президента Линкольна (эта статья упоминается в книге «Великое разделение»).

ется первый процесс, то есть творческие способности и производительный труд людей, составляющих народ страны, а также их производительное взаимодействие друг с другом. В его основе лежит научный прогресс, который помогает нам получать неочевидные знания и использовать их для совершенствования технологии. Помимо этого, он опирается на представления о социальной организации, углубляющиеся в ходе аргументированной дискуссии, которая ведет к появлению таких широко известных институтов, как «верховенство закона, система сдержек и противовесов, а также надлежащая правовая процедура». Я намечаю контуры прогрессивной повестки дня, которая представляет собой антитезис повестки дня Трампа и его сторонников. Она, в каком-то смысле, является отвечающим реалиям XXI в. сочетанием программ президентов Тедди Рузвельта и Франклина Делано Рузвельта. В ее центре лежит идея о том, что реализация предлагаемых реформ приведет к быстрому росту экономики и общему процветанию, а в конечном итоге к превращению того характера жизни, к которому стремится большинство американцев, из несбыточной мечты в достижимую реальность. Короче говоря, если понять, из каких источников берется богатство народа, можно построить более динамичную экономику и добиться общего процветания. Для этого правительство должно взять на себя иные, возможно более широкие функции, чем те, что оно выполняет сегодня: мы не можем отмахиваться от потребности в коллективных дей-

ствиях в нашем сложном мире XXI в. Я показываю также, что существует целый набор абсолютно необременительных мер, которые могут сделать жизнь на уровне среднего класса – еще в середине прошлого столетия казавшейся доступной, а теперь все более недостижимой – вновь нормой, а не исключением.

Рейганомика, трампономика и посягательство на демократию

Для осмысления нашей сегодняшней ситуации полезно вернуться назад примерно на 40 лет к временам, когда консерваторы тоже были на вершине. Тогда это походило прямо-таки на глобальную тенденцию: Рональд Рейган в США, Маргарет Тэтчер в Великобритании. Кейнсианская экономика с ее акцентом на том, что правительство может поддерживать полную занятость путем управления *спросом* (через денежно-кредитную и налоговую политику), была заменена на *экономику предложения*, где акцент смещался на дерегулирование и снижение налогов для повышения деловой активности, роста предложения товаров и услуг и, таким образом, увеличения доходов отдельных лиц.

Дежавю: экономическое шаманство

Экономика предложения не работала при Рейгане, не будет она работать и при Трампе. Республиканцы уверяют себя и американский народ в том, что трамповское сокращение налогов оживит экономику и потеря налоговых доходов будет не такой значительной, как заявляют скептики. Это аргумент стороны предложения, и в настоящий момент все долж-

ны знать, что он не работает. Рейгановское сокращение налогов в 1981 г. положило начало эпохе гигантского бюджетного дефицита, замедления роста и углубления неравенства. Трамп в своем законе о налогообложении 2017 г. подсовывает нам еще большую, чем Рейган, порцию политики, основанной не на науке, а на своекорыстном поверье. Президент Джордж Буш – старший называл рейгановскую экономику предложения *экономическим шаманством*. Так вот, Трамп предлагает гипертрофированное экономическое шаманство.

Некоторые сторонники Трампа допускают, что его политика далека от совершенства, но при этом защищают его. Послушать их, так он хотя бы уделяет внимание тем, от кого долгое время отмахивались, уважает их человеческое достоинство. Я бы сформулировал это иначе: он достаточно опытен, чтобы чувствовать недовольство, раздуть его и безжалостно играть на нем. То, что он готов ухудшить положение среднего класса, отобрав медицинское обслуживание у 13 млн американцев, в стране, уже ошарашенной сокращением средней продолжительности жизни, говорит не об уважении, а о презрении. О том же говорят и налоговые льготы богатым при фактическом повышении налогов для подавляющей доли представителей среднего класса⁴.

Для тех, кто жил при Рональде Рейгане, сходство поли-

⁴ Когда налоговый закон будет в полной мере реализован, налоги вырастут для подавляющего большинства тех, кто находится во втором, третьем и четвертом децилях.

тики очень заметно. Как и Трамп, Рейган играл на страхе и узости взглядов: он эксплуатировал историю с «королевой пособий»⁵, которая обирала американцев, с трудом зарабатывавших на жизнь. Подразумевались, конечно, афроамериканцы. Рейган тоже не испытывал сострадания к бедным. Считать горчицу и кетчуп овощами, необходимыми для повышения питательности школьных обедов, было бы забавно, если бы не вызывало грустные мысли. Лицемерие Рейгана проявлялось в эвфемизмах вроде «добровольного ограничения экспорта»: Японии предоставили выбор – либо она сама ограничит свой экспорт, либо это сделают за нее. Не случайно на месте торгового представителя США в администрации Трампа оказался Роберт Лайтхайзер, который работал в этой должности при Рейгане 40 лет назад.

У Рейгана и Трампа есть и другие общие черты, например откровенная готовность служить интересам корпораций, в некоторых случаях одним и тем же. Рейган устроил раздачу природных ресурсов по дешевке, распродажу, позволившую крупным нефтяным компаниям получить нефтяные богатства страны за мизерную часть их реальной стоимости. Трамп пришел к власти на обещании «осушить болото», то есть предоставить голос тем, кто считал, что вашингтонские заправилы игнорируют их. Однако после его вступления в

⁵ Имеется в виду история некоей мошенницы, которая обманывала социальные службы и незаслуженно получала пособия. Рейган использовал ее во время предвыборной кампании для иллюстрации вреда социальных программ. – *Прим. пер.*

должность болото стало лишь глубже.

Вместе с тем, несмотря на все сходство, существуют и глубокие различия, которые приводят к разногласиям с некоторыми старейшинами Республиканской партии. Рейган, конечно, окружил себя партийными политиками, что вполне естественно, но у него на ключевых постах были и выдающиеся государственные деятели вроде Джорджа Шульца (Шульц при Рейгане занимал в разное время посты госсекретаря и министра финансов)⁶. Для них аргументы и истина имели не последнее значение, они, например, смотрели на изменение климата как на реальную угрозу и считали Америку глобальным лидером. Они, как и члены предыдущих и последующих администраций, сторели бы со стыда, если бы их поймали на откровенной лжи. Хотя им и случалось затуманивать правду, истина кое-что значила для них. Этого нельзя сказать о нынешних обитателях Белого дома и их окружении.

Рейган по крайней мере поддерживал видимость аргументированности и логики. В основе его политики сокращения налогов лежала теория, экономика предложения, которую мы уже упоминали. За 40 лет ошибочность этой теории доказывали неоднократно. Трампу и республиканцам XXI в. теория ни к чему: они сделали это потому, что просто имели такую возможность.

Именно презрительное отношение к истине, науке, знани-

⁶ Он также занимал должность министра труда в администрации Никсона.

ям и демократии отличает администрацию Трампа и других руководителей такого же толка от Рейгана и других консерваторов прошлого. В реальности, как я показываю, Трамп во многом более революционен, чем обычный консерватор. Можно понимать причины, по которым его извращенные идеи находят отклик у такого большого числа американцев, но это не делает их более привлекательными или менее опасными.

Трамповская налоговая «реформа» 2017 г. наглядно показывает, как далеко страна отошла от прежних традиций и норм. Налоговая реформа обычно проводится с целью упрощения, устранения лазеек, создания условий, при которых все вносят в бюджет справедливую долю дохода, и обеспечения таких поступлений, при которых стране хватает средств для расчетов по счетам. Даже Рейган в своей реформе 1986 г. выступал с призывом к упрощению налогообложения. Налоговое законодательство 2017 г., наоборот, привносит новые сложности и оставляет большинство вопиюще очевидных лазеек на месте, в том числе ту, которая позволяет работникам фондов прямых инвестиций платить максимум 20 %, что практически в два раза ниже того, что платят другие работающие американцы⁷. Оно аннулировало норму о мини-

⁷ Фонды прямых инвестиций обычно вкладывают средства в непубличные компании; они и сами не относятся к разряду публичных. Они могут, например, покупать компании, реструктурировать их, а потом продавать с прибылью. Менеджеры таких фондов делают практически то же самое, что и менеджеры любых других компаний, которые платят обычный налог со своих доходов. Для на-

мальном налоге, которая не позволяла физическим лицам и компаниям *злоупотреблять* лазейками и заставляла платить хотя бы минимальный процент со своих доходов.

На этот раз никто не притворялся, что дефицит бюджета сократится. Единственное, о чем говорили, – так это о том, насколько он вырастет. К концу 2018 г. расчеты показывали, что правительству придется заимствовать рекордную сумму, более \$1 трлн в следующем году⁸. Даже в виде процентной доли ВВП это был рекорд для страны, которая не страдала ни от войны, ни от рецессии. Для экономики, стремящейся к полной занятости, дефицит однозначно вреден, поскольку Федеральной резервной системе приходится повышать процентные ставки, а значит, сдерживать инвестиции и рост. Тем не менее лишь один республиканец (сенатор Рэнд

логовых льгот здесь нет никаких оснований – предоставляемые фондам льготы просто говорят об их политической власти. Хуже всего то, что на совести этих фондов немало примеров реструктуризации, которая приводила к масштабной ликвидации рабочих мест и серьезному обременению долгами. Реструктурированные фирмы нередко банкротятся вскоре после того, как фонды прямых инвестиций продают их. Против пониженной ставки, по которой фонды прямых инвестиций платят налоги в результате лазейки в законе, выступал Трамп во время избирательной кампании, но он, однако, ничего не сделал для ее аннулирования – вернее сказать, вообще не упоминал о ней, – когда налоговый закон обсуждался в конгрессе и когда поступил ему на подпись. Когда же речь зашла о нарушении обещания, советники Трампа переложили всю вину на конгресс. См.: Louis Jacobson, “Despite Repeated Pledges to Get Rid of Carried Interest Tax Break, It Remains on the Books,” *Politifact*, Dec. 20, 2017.

⁸ За 10-летний период 2018–2028 гг. одно только снижение налога (с учетом процентов) добавит к дефициту, по расчетам, \$1,9 трлн. Если же временное снижение налога станет постоянным, то его вклад в дефицит составит \$3,2 трлн.

Пол от штата Кентукки) позволил себе больше, чем пискнуть в знак протеста. За пределами американской политической системы, однако, критика звучала со всех сторон. Даже Международный валютный фонд, никогда не отличавшийся склонностью к критике США, страны, чей голос давно доминирует в этом институте, завел речь о налогово-бюджетной безответственности⁹. Политических наблюдателей поразила размах лицемерия – когда экономике реально требовалось стимулирование, фискальный импульс, после кризиса 2008 г., республиканцы говорили, что страна не может позволить себе этого, что это приведет к недопустимому дефициту.

Налоговый закон Трампа является порождением глубочайшего политического цинизма. Даже скудные поправки, которыми это детище республиканцев одаривает простых граждан (небольшое снижение налогообложения в течение следующих нескольких лет), предусматриваются лишь на некоторое время. Партийная стратегия, по всей видимости, основывается на двух гипотезах, которые, если дело действительно обстоит так, не сулят стране ничего хорошего. Одна из них заключается в том, что обычные граждане предельно близоруки, они будут радоваться небольшому снижению налогов и не заметят его временного характера, а также по-

⁹ “Transcript of the Press Conference on the Release of the October 2017 World Economic Outlook” (Washington, DC: International Monetary Fund, Oct. 13, 2017); и Christine Lagarde, “2018 Article IV Consultation for the United States Opening Remarks” (Washington, DC: International Monetary Fund, June 14, 2018).

вышения налогов для подавляющей части среднего класса. Суть другой, и это более важно, в том, что реальное значение для американской демократии имеют лишь деньги. Стоит угодить богатым, и они осыпят Республиканскую партию взносами, на которые можно купить голоса, необходимые для проведения нужной политики. Это показывает, как далеко Америка отошла от идеалов, провозглашенных в момент ее создания.

Откровенные попытки давления на избирателей и беспардонные предвыборные махинации, подрыв демократии также отличают нынешнюю администрацию. Нельзя сказать, что подобные вещи не случались в прошлом – к сожалению, это практически неотъемлемая часть американской традиции, – но они никогда не делались настолько бессердечно, так пунктуально и открыто.

Главным, пожалуй, было то, что в прошлом лидеры обеих партий пытались объединить страну. Как-никак они приносили клятву на конституции, которая начинается словами «Мы, народ...». В основе этого лежала вера в принцип общего блага. Трамп, в отличие от этого, начал играть на разделении и его углублении.

Вежливость, которая требовала цивилизованного поведения, была отброшена, а вместе с ней и видимость приличия – как на словах, так и в делах.

Конечно, страна и мир сейчас совсем другие, чем четыре десятилетия назад. Тогда процесс деиндустриализации толь-

ко начинался, и, выбери Рейган и его преемники правильную политику, такого опустошения американских промышленных центров, которое мы наблюдаем сейчас, возможно не произошло бы. Мы также стояли в самом начале великого разделения, колоссального разрыва благосостояния 1 % населения страны и остальной его части. Нас учили, что, как только страна достигает определенного уровня развития, неравенство сокращается – и Америка является наглядным примером этой теории¹⁰. После Второй мировой войны процветали все слои нашего общества, но доходы тех, кто был внизу, росли быстрее, чем у тех, кто находился на вершине. Мы создали величайшее в мире общество среднего класса. Однако к выборам 2016 г. неравенство достигло такого уровня, которого не видели со времен «Позолоченного века»¹¹ в конце XIX столетия.

Взгляд на то, где страна находится сегодня и где она была четыре десятилетия назад, ясно показывает, что такая же неработоспособная и неэффективная, как политика Рейгана в свое время, трампономика еще хуже подходит для нынешнего мира. Нам тогда было не под силу вернуться назад в

¹⁰ Это был центральный тезис нобелевского лауреата Саймона Кузнеца. Тот факт, что он, похоже, выполнялся всегда в то время, когда Кузнец писал об этом, дал основание назвать этот феномен законом Кузнеца.

¹¹ «Позолоченный век» – саркастическое название периода с конца Гражданской войны в Америке до 1880-х гг., для которого были характерны быстрое обогащение некоторых слоев населения и коррупция в сфере политики и бизнеса. – *Прим. пер.*

идиллические внешне дни администрации Эйзенхауэра; уже тогда шел процесс перехода от производственной экономики к экономике обслуживания. Сейчас, 40 лет спустя, подобные устремления выглядят совершенно оторванными от реальности.

Меняющаяся демографическая картина Америки к тому же переводит этот взгляд на «прекрасное» прошлое – прошлое, где большие группы населения, включая женщин и небелых граждан, вообще исключались из процветания – в плоскость демократического выбора. Дело не только в том, что подавляющее большинство американцев скоро будет небелым, или в том, что мир и экономика XXI в. не могут больше мириться с мужским доминированием в обществе. Надо еще принимать во внимание, что жители наших городов и на севере, и на юге, где обитает подавляющая часть населения, осознали ценность разнообразия. Те, кто живет в этих центрах роста и динамизма, поняли также ценность сотрудничества и увидели роль, которую правительство может и обязано играть, чтобы добиться общего процветания. Они отбрасывают предрассудки прошлого, порой очень решительно. Но если так, то для меньшинства (будь это крупные компании, пытающиеся наживаться на потребителях, банки, старающиеся погреть руки на заемщиках, или те, кто увяз в прошлом и хочет вернуть ушедший мир) в демократическом обществе единственный путь сохранить свое экономическое и политическое доминирование – это подавление

ние демократии тем или иным образом.

Так быть не должно – недопустимо, чтобы в Америке, такой богатой стране, насчитывалось так много бедных людей, которые еле сводят концы с концами. Хотя, конечно, существуют силы, усугубляющие неравенство (в том числе изменения технологии и глобализация), ситуация в других странах показывает, что дело здесь в политике. Неравенство – это результат сознательного выбора. Оно не является неизбежным. Однако, если мы не изменим нынешний курс, неравенство, скорее всего, станет еще сильнее, и наш рост так и останется на текущем низком уровне, который сам по себе является загадкой с учетом того, что у нас вроде бы самая инновационная экономика, да и времена сейчас самые инновационные за всю историю мира.

У Трампа нет плана помощи стране. Его план предусматривает дальнейшее ограбление подавляющей части населения теми, кто находится на вершине. Эта книга наглядно показывает: политика Трампа, а вместе с ним и Республиканской партии ведет к углублению всех проблем, стоящих перед нашим обществом, – усилению экономического, политического и социального разделения, сокращению средней продолжительности жизни, ухудшению финансовой ситуации и втягиванию страны в новую эру замедления роста.

Трампа нельзя винить во многих проблемах нашей страны, но он помогает им проявиться: разделение уже существует, и любой демагог может играть на нем. Если бы Трамп не

появился на сцене, через несколько лет на нее вышел бы какой-нибудь другой демагог. Если взглянуть на мир, то примеров предостаточно – Ле Пен во Франции, Моравецкий в Польше, Орбан в Венгрии, Эрдоган в Турции, Дутерте на Филиппинах и Болсонару в Бразилии. Хотя каждый из этих демагогов своеобразен, все они отвергают демократию (Орбан, например, с гордостью рассуждает о достоинствах *нелиберальной* демократии) с ее верховенством закона, свободными средствами массовой информации и независимой судебной системой. Все они верят в «сильную личность» – в себя, надо понимать, – в культ личности, который вышел из моды в большинстве стран мира. И, конечно, все они пытаются обвинить внешние силы в своих проблемах, а сами являются националистами, превозносящими врожденные добродетели своих народов. Этому поколению реальных и потенциальных автократов поголовно присуща грубость, а в некоторых случаях неприкрытая нетерпимость и пренебрежительное отношение к женщинам.

Большинство проблем, которые я затрагиваю, характерна и для других развитых стран, однако, как мы увидим, Америка идет впереди всех и в неравенстве, и в разрушении здравоохранения, и в разделении. Трамп служит для других ярким примером того, что может произойти, если этим болячкам позволить гноиться слишком долго.

Старая мудрость гласит: в политике невозможно победить, не предложив ничего. Так и в экономике: плохой план

можно развенчать, только показав, что ему есть альтернатива. Даже если бы мы не оказались в нынешнем болоте, все равно нужно было бы предложить альтернативу тому видению, которое приняла наша страна и значительная часть мира в последние три десятилетия. В этом видении общества экономике отводится центральное место, причем экономика рассматривается через линзу «свободных» рынков. Оно преподносится как основанное на наших достижениях в понимании рынков, однако в действительности истина прямо противоположна: достижения в области экономической науки за последние 70 лет прямо говорят об ограниченности возможностей свободных рынков. Любой, у кого глаза не зашорены, может сам убедиться в этом: эпизодическая безработица, иногда массовая, как во время Великой депрессии, и загрязнение окружающей среды, из-за которого в некоторых местах просто нечем дышать, – всего лишь два наиболее очевидных «доказательства» того, что рынки сами по себе не обязательно работают хорошо.

Я ставлю перед собой цель прежде всего изложить наши представления о реальных источниках богатства народа и показать, как в процессе укрепления экономики добиться справедливого распределения ее плодов.

Я представляю здесь альтернативу программе, предложенной, с одной стороны, Рейганом, а с другой – Трампом, альтернативу, которая опирается на достижения современной экономической науки и которая, по моему убеждению,

должна привести нас к общему процветанию. Попутно я поясню, почему неолиберализм, то есть идеология нерегулируемого рынка, не работает и почему трампономика, своеобразное сочетание низких налогов для богатых и финансового и экологического дерегулирования с национализмом и протекционизмом – сильно регулируемым режимом глобализации – тоже не будет работать.

Прежде чем приступить к изложению этой темы, думаю, будет полезно обрисовать современные представления экономической науки, необходимые для понимания того, о чем пойдет речь¹².

¹² Эта книга опирается на мою более раннюю работу по глобализации, финан-
сиализации, неравенству и инновациям, объединяет эти линии в одно целое и
показывает их взаимосвязь в мозаике, которая, я надеюсь, убедительно демон-
стрирует источники прогресса и подводные камни, поджидающие нас. В опреде-
ленных ключевых аспектах она развивает эту тему дальше. Мои более ранние
критические соображения в отношении глобализации, написанные после ухода
из Всемирного банка, где мне довелось воочию наблюдать, как плохо ею управ-
ляют с точки зрения развивающихся стран и работников по всему миру, вошли в
книгу «Глобализация и ее негативные стороны» (*Globalization and Its Discontents*,
New York: W. W. Norton, 2002). В книге «Справедливая торговля для всех» (*Fair
Trade for All*, New York: Oxford University Press, 2005), написанной в соавтор-
стве с Эндрю Чарлтоном, я сфокусировал внимание на том, как глобальная торго-
вля ущемляет интересы бедных. В книге «Как заставить глобализацию рабо-
тать» (*Making Globalization Work*, New York: W. W. Norton, 2006) я предложил
пакет реформ, которые, по моему замыслу, должны были как минимум сделать
глобализацию более продуктивной, чем сейчас. В книге «Снова о глобализации
и ее негативных сторонах: Антиглобализм в эпоху Трампа» (*Globalization and its
Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump*, New York: W. W.
Norton, 2017) я показал прогресс, достигнутый в реформировании процесса гло-
бализации до прихода Трампа, и то, как он, возможно необратимо, застопорил

Во-первых, рынки сами по себе не способны обеспечить общее и устойчивое процветание. Рынки неоценимы для любой хорошо функционирующей экономики, однако зачастую приносят результаты, которые нельзя считать приемлемыми и целесообразными. Они порождают слишком много одного (загрязнение окружающей среды) и слишком мало другого (фундаментальные исследования). А кроме того, как показал финансовый кризис 2008 г., рынки сами по себе нестабильны. Более 80 лет назад Джон Мейнард Кейнс объяснил, почему рыночную экономику нередко сопровождает устойчивая безработица, и показал, как правительство может поддерживать практически полную занятость.

При наличии сильного расхождения между общественным благом от какой-либо деятельности (выгодой для общества) и индивидуальным благом от этой же деятельности (вы-

программу. Первой из моих двух книг, посвященных финансиализации, была «Ревущие девяностые», написанная после того, как я покинул администрацию Клинтона из-за того, что видел в дерегулировании фактор, создающий условия для финансового кризиса. В последующие годы, в условиях все более сильного разбалансирования нашей финансовой системы и соответствующего нарастания риска серьезной финансовой и экономической катастрофы, я выступал с лекциями и статьями об угрозе надвигающегося кризиса. К сожалению, мои предсказания оправдались: мировую экономику вскоре потряс глобальный финансовый кризис. В 2010 г. в книге «Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса» (Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy, New York: W. W. Norton) я проанализировал процесс разворачивания Великой рецессии и показал, как избежать серьезного и продолжительного экономического спада и как реформировать финансовый сектор, чтобы не допускать надувания и схлопывания рыночных пузырей в будущем.

годой для отдельного лица или компании) рынки не могут самостоятельно устранить его. Изменение климата, пожалуй, самый показательный пример: глобальные общественные издержки выбросов углекислого газа огромны – чрезмерные выбросы парниковых газов представляют реальную угрозу всей планете. Они значительно превосходят издержки любой фирмы или даже страны. Выбросы углекислого газа необходимо ограничить либо путем регулирования, либо путем введения платы за них.

Рыночные механизмы плохо работают и в условиях неполной информации и отсутствия некоторых ключевых рынков (например, для страхования значимых рисков, вроде риска безработицы) или при ограниченной конкуренции. Подобные рыночные «несовершенства» вездесущи, и к ним очень чувствительны определенные сферы вроде финансов. Кроме того, рынки не создают в достаточном количестве то, что называют «общественными благами» (например, противопожарную защиту или национальную оборону) – блага, которыми пользуется все население и плату за которые сложно взимать иначе, чем путем сбора налогов. Чтобы обеспечить более эффективное функционирование экономики и общества и таким образом создать гражданам условия для процветания и безопасной жизни, правительству необходимо тратить деньги, в частности на страхование на случай безработицы и на финансирование фундаментальных исследований, а также вводить регулирование, защищающее людей

от вредного воздействия со стороны других. Капиталистическая экономика всегда предполагала существование определенного сочетания частных рынков и государственных – вопрос был не в том, какую форму хозяйствования выбрать, рыночную *или* государственную, а как сочетать то и другое наилучшим образом. В применении к теме этой книги сказанное выше означает, что для формирования эффективной и стабильной экономики с высокими темпами роста и справедливым распределением плодов этого роста необходимо вмешательство правительства.

Во-вторых, необходимо признать, что богатство народа держится на двух столпах. Государства становятся богаче – добиваются повышения уровня жизни – за счет роста производительности труда, а главным источником роста производительности является приобретение знаний. Технический прогресс – это производное от научной базы, которая создается в результате фундаментальных исследований, финансируемых правительством. Государства богатеют также в результате хорошего общественного устройства, позволяющего людям безопасно взаимодействовать, торговать и инвестировать. Образ хорошего общественного устройства является результатом десятилетий логических построений и размышлений, эмпирических наблюдений для выявления того, что работает, а что нет. Все это ведет к появлению представлений о важности демократии с верховенством закона, надлежащей правовой процедурой, системой сдержек и проти-

вовесов, а также массой институтов, занимающихся выявлением, оценкой и распространением истины.

В-третьих, нельзя путать богатство народа с богатством отдельно взятых людей в этой стране. Одни люди и компании успешно производят новые продукты, нужные потребителям. Это хороший способ накопления богатства. Другие успешно используют свою рыночную власть для эксплуатации потребителей или своих работников. Это не что иное, как перераспределение дохода, и совершенно не увеличивает общее богатство народа. В экономике такой процесс обозначается специальным термином «рента» – погоня за рентой ассоциируется с попыткой получить более значительную долю национального экономического пирога, в отличие от создания богатства, которое нацелено на увеличение размера этого пирога. Политики должны внимательно следить за рынками, где существует избыточная рента, поскольку она указывает на то, что экономика может работать более эффективно: эксплуатация, свойственная ренте, фактически ослабляет экономику. Успешная борьба против погони за рентой приводит к перенаправлению ресурсов на создание богатства.

В-четвертых, менее разделенное общество, экономика с более высоким равенством, работает лучше. Особенно возмутительна дискриминация по расовому, гендерному и этническому признаку. Это очевидный отход от того взгляда, который прежде преобладал в экономической науке.

Он предполагал, что жертвовать ростом и эффективностью можно только ради повышения равенства. Выгоды от уменьшения неравенства особенно велики, когда оно достигает таких экстремальных уровней, как в Америке, и когда оно возникает, например, в результате использования рыночной власти или дискриминации. Однако в принятом законе нет цели повысить равномерность распределения доходов.

Нам также нужно избавиться от ошибочной веры в экономику просачивания благ, идею о том, что от роста экономики выигрывают все. Эта идея подкрепляла ориентированную на экономику предложения политику всех президентов-республиканцев, начиная с Рональда Рейгана. Факты ясно говорят о том, что выгоды роста никуда не просачиваются. Достаточно посмотреть на массу населения в Америке и других странах развитого мира, живущего в отчаянии после десятилетий практически полного отсутствия роста доходов из-за экономики предложения, даже несмотря на увеличение ВВП. Рынки сами по себе не обязательно помогают этим людям, ситуацию могут изменить только правительственные программы.

В-пятых, для достижения общего процветания правительственные программы должны быть сфокусированными как на распределении рыночного дохода – то, что иногда называют предварительным распределением, – так и на перераспределении, доходах, которые остаются у людей после налогообложения и социальных выплат. Рынки существуют не в

вакууме, они должны быть структурированными, а то, как мы их структурируем, влияет и на распределение рыночного дохода, и на рост с эффективностью. Таким образом, законы, позволяющие корпорациям злоупотреблять монопольной властью, а директорам забирать себе значительную долю корпоративного дохода, ведут к усилению неравенства и замедлению роста. Создание более справедливого общества требует равенства возможностей, которое, в свою очередь, нуждается в повышении равенства доходов и богатства. Преимущества всегда в определенной мере передаются от поколения к поколению, поэтому чрезмерное неравенство доходов и богатства в одном из них транслируется в более высокое неравенство в следующем. Образование частично решает эту проблему, но только частично. В Соединенных Штатах неравенство образовательных возможностей выше, чем во многих других странах, и улучшение образования для всех могло бы снизить неравенство и повысить экономическую эффективность. Эффект неравенства образовательных возможностей усиливается чрезмерно низким нынешним уровнем налогов на наследство, что ведет к появлению в Соединенных Штатах наследуемой плутократии.

В-шестых, поскольку правила игры и множество других аспектов нашей экономики и общества зависят от правительства, его действия жизненно важны; политику и экономику разделить невозможно. Однако экономическое неравенство неизбежно переходит на политическую власть, и те, кто во

власти, используют ее для получения персональных преимуществ. Если мы не реформируем правила своей политики, наша демократия станет посмешищем, а мы будем жить в мире, где голосуют по принципу один доллар – один голос. Если мы, как общество, хотим иметь эффективную систему сдержек и противовесов, удерживающую очень богатых от потенциальных злоупотреблений, нам нужно создать экономику с более высоким уровнем равенства богатства и доходов.

В-седьмых, экономическая система, к которой мы катимся с начала 1970-х гг., – американский капитализм – формирует наше индивидуальное и национальное самосознание в крайне неудачном ключе. Наружу вылезает то, что явно противоречит нашим высшим ценностям, – жадность, эгоизм, аморальность, готовность эксплуатировать других и нечестность, которую Великая рецессия выветрила в финансовом секторе, проявляются везде и не только в Соединенных Штатах. Нормы поведения, которые мы считаем приемлемыми или, наоборот, неприемлемыми, изменяются, подрывая социальное единство, доверие и даже эффективность экономики.

В-восьмых, хотя Трамп и националисты в других местах мира пытаются обвинять других – мигрантов и плохие торговые соглашения – в наших бедах, особенно в негативных аспектах деиндустриализации, на деле их причины кроются в нас самих: мы вполне могли бы лучше управлять техниче-

ским прогрессом и процессом глобализации так, чтобы люди, потерявшие работу, находили себе применение где-нибудь еще. Забегая вперед, скажу, что мы должны делать это лучше, и я покажу, каким образом. Самое главное, что изоляционизм здесь неприемлем. Мы живем в высшей степени взаимосвязанном мире и должны управлять своими международными отношениями – как экономическими, так и политическими – лучше, чем делали это в прошлом.

В-девятых, существует всеобъемлющая экономическая политика, которая должна возобновить рост и восстановить общее процветание. Она сочетает устранение препятствий, мешающих росту и достижению равенства, в частности тех, что возвели корпорации с чрезмерной рыночной властью, и восстановление баланса, например наделение работников более значительной переговорной силой. Она предусматривает более существенную поддержку фундаментальных исследований и побуждение частного сектора к участию в создании богатства, а не в поисках ренты.

Экономика, конечно, – это всего лишь средство достижения цели, а не сама цель. Уровень жизни среднего класса, который казался неотъемлемым правом американцев после Второй мировой войны, становится все более недостижимым для огромной доли населения страны. Наша страна намного богаче сейчас, чем была в те времена. Мы можем позволить себе сделать так, чтобы этот уровень жизни был доступным для подавляющего большинства наших граждан. Эта книга

показывает, как добиться этого.

И последнее – пришло время больших перемен. Инкрементализм – небольшие корректировки нашей политической и экономической системы – не подходит для стоящих перед нами задач. Нам нужны кардинальные изменения. Однако ни одно из них невозможно осуществить без сильной демократии, уравнивающей политическую власть сконцентрированного богатства. Экономической реформе должна предшествовать реформа политическая.

Часть I

Как мы сбились с пути

*И если дом разделится сам в себе, не может
устоять дом тот.*

Евангелие от Марка. 3:25

Глава 1

Введение

То, что дела в США и во многих других развитых государствах обстоят не очень хорошо, мягко сказано. В стране налицо чуть ли не повальное недовольство.

Так быть не должно, если верить американской экономической и политической науке последней четверти столетия. После падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. Фрэнсис Фукуяма объявил о «конце истории»¹³, поскольку демократия и капитализм одержали полную победу. Казалось, наступает новая эра глобального процветания с более быстрым, чем когда-либо, ростом, и возглавить ее должна была Аме-

¹³ Имеется в виду эссе Фукуямы «Конец истории?», опубликованное в журнале *National Interest* в 1989 г., и вышедшая впоследствии его книга. – Прим. пер.

рика¹⁴.

Однако к 2018 г. эти высоко парящие идеи, похоже, окончательно разбились о приземленную реальность. Финансовый кризис 2008 г. показал, что капитализм был вовсе не тем, чем предполагалось, – он не отличался ни эффективностью, ни стабильностью. Затем появилась масса статистических данных, говорящих о том, что от роста в последнюю четверть века выиграли главным образом те, кто находился на самом верху. И, наконец, протестное голосование на обеих сторонах Атлантики – Брекзит в Великобритании и избрание Дональда Трампа в Соединенных Штатах – посеяло сомнения в здравомыслии демократического электората.

Наши умники быстро нашли этому объяснение, в принципе правильное. Элиты забыли о бедственном положении многих американцев в стремлении к глобализации и либерализации. Это относится и к финансовым рынкам, обещавшим, что все выиграют от «реформ». Однако обещанные выгоды так и не материализовались для большинства граждан. Глобализация ускорила процесс деиндустриализации, оставив за бортом массу людей, особенно не имевших высше-

¹⁴ Полное название вышедшей в 1992 г. книги Фукуямы – «Конец истории и последний человек» (The End of History and the Last Man, New York: Free Press). После избрания Трампа он изменил свои взгляды: «Четверть века назад я даже теоретически представить не мог, что развитие демократий может пойти вспять. А теперь я вижу, что это совершенно реально». Ishaan Tharoor, “The Man Who Declared the ‘End of History’ Fears for Democracy’s Future,” *Washington Post*, Feb. 9, 2017.

го образования, и главным образом мужчин. Либерализация финансовых рынков привела к кризису 2008 г., самому тяжелому экономическому спаду со времен Великой депрессии, начавшейся в 1929 г. Несмотря на то что десятки миллионов людей по всему миру потеряли работу, а миллионы американцев лишились своего жилья, ни один из директоров крупнейших финансовых организаций, поставивших глобальную экономику на грань краха, не понес ответственности. Ни один не попал в тюрьму, напротив, все они получили мегабонусы. Банкиров спасли, а те, кого они разорили, остались ни с чем. Хотя экономическая политика и позволила избежать новой Великой депрессии, политическим последствиям такого несбалансированного спасения удивляться не стоит¹⁵.

То, что Хиллари Клинтон называет сторонников своего оппонента в деиндустриализованных регионах страны «недостойными людьми», может быть фатальной политической ошибкой: для них ее слова – это проявление высокомерия элит. В ряде книг, включая «Деревенскую элегию»¹⁶ Джея Ди Вэнса и «Чужаков на собственной земле»¹⁷ Ар-

¹⁵ Это основная идея недавно вышедшей книги Адама Туза из Колумбийского университета «Крах: Как десятилетие финансовых кризисов изменило мир» (Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World, New York: Viking, 2018).

¹⁶ Hillbilly Elegy: A Memoir of a Family and Culture in Crisis, New York: Harper, 2016.

¹⁷ Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right, New

ли Хохшильд, предельно красноречиво описываются чувства тех, кто пережил деиндустриализацию, и многих других, оказавшихся в таком же положении. Они наглядно показывают, как далеки эти люди от национальных элит¹⁸.

Один из лозунгов предвыборной кампании Билла Клинтона в 1992 г. звучал так: «Это экономика, дурачок». Конечно, это не более чем чрезмерное упрощение, и приведенные здесь исследования объясняют почему: людям нужно уважение, им необходимо чувствовать, что их слушают¹⁹. После продолжавшихся более трети столетия проповедей республиканцев об отсутствии у правительства возможности ре-

York: The New Press, 2016.

¹⁸ См. также: Jennifer Sherman, *Those Who Work, Those Who Don't: Poverty, Morality, and Family in Rural America* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009); Joan C. Williams, *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America* (Boston: Harvard Business Review Press, 2007); Katherine J. Cramer, *The Politics of Resentment: Rural Consciousness in Wisconsin and the Rise of Scott Walker* (Chicago: University of Chicago Press, 2016); Amy Goldstein, *Janesville: An American Story* (New York: Simon and Schuster, 2017); and Michèle Lamont, *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000). Результаты моих собственных более ограниченных экскурсов в эти сферы говорят о том же, что и эти глубокие исследования.

¹⁹ Это соответствует исследованиям, проводившимся Всемирным банком, когда я был его главным экономистом. В книге «Голоса бедных: Кто-нибудь слышит их?» выражается обеспокоенность тем, что бедные не участвуют в принятии решений, которые касаются их. См.: Deepa Narayan with Raj Patel, Kai Schafft, Anne Rademacher, and Sarah Koch-Schulte, *Voices of the Poor: Can Anyone Hear Us?* (New York: Oxford University Press, 2000). Это первая из трех книг серии «Голоса бедных»; у каждой из них свой редактор.

шить свои проблемы, люди не ждут, что оно возьмется за решение их проблем. Однако они хотят, чтобы правительство «вступалось» за них во всех смыслах этого слова, а когда такое происходит, им не хочется слышать упреки в том, «что они плетутся в хвосте». Это унижительно. Люди принимают трудные решения в несправедливом мире. Им нужно, чтобы неравенство устранили хотя бы частично. Однако во время кризиса 2008 г., причиной которого была проводимая элитами политика либерализации финансового рынка, правительство встало на сторону элит. Это как минимум история, в которую все верят, и я покажу, что в ней немалая доля правды²⁰.

Если лозунг президента Клинтона и упрощал вещи, намекая на то, что экономика – это *все*, чем надо заниматься, то не так уж сильно. Наша экономика не работает для огромной части населения страны. В то же время она невероятно щедро вознаграждает тех, кто находится на самом верху. Если разобраться, то именно это все углубляющееся разделение лежит в основе нынешнего затруднительного положения нашей страны, а заодно и многих других развитых стран.

Конечно, это провал не только в сфере экономики, но и политики. Экономическое разделение ведет к разделению политическому, а политическое разделение служит усилителем для экономического. Имеющие деньги и власть исполь-

²⁰ См., например, обсуждение этих вопросов в моих книгах «Крутое пике» (Freefall) и «Великое разделение» (The Great Divide).

зуют свое политическое влияние для введения таких правил экономической и политической игры, которые увеличивают их преимущество.

В Соединенных Штатах существует очень маленькая элита, контролирующая все возрастающую долю экономики, и широкий нижний слой, лишенный практически всех ресурсов²¹, – для 40 % американцев проблема, для решения которой нужны четыре сотни долларов, болезнь ребенка или поломка автомобиля, превращается в неразрешимую катастрофу²². Трое богатейших американцев – Джефф

²¹ Причина, по которой я сфокусировал свою статью в журнале *Vanity Fair* в мае 2011 г. (“Of the 1 %, by the 1 %, and for the 1 %”, May 2011) на 1 % населения, заключалась в стремлении подчеркнуть, что старого классового разделения общества (небольшой высший класс, большой средний класс и группа бедных среднего размера) больше не существует.

²² Компания Bankrate в своем обзоре индекса финансовой безопасности за 2017 г. показала, что 61 % американцев не может справиться с появлением неожиданной потребности в \$1000 без влезания в долги. См.: Taylor Tepper. “Most Americans Don’t Have Enough Savings to Cover a \$1K Emergency,” *Bankrate.com*, Jan. 18, 2018, <https://www.bankrate.com/banking/savings/financial-security-0118/>. Аналогичным образом Совет ФРС в своем «Отчете по экономическому благосостоянию американских домохозяйств в 2017 г.» (Report on the Economic Well-Being of U. S. Households in 2017), основанном на данных пятого ежегодного исследования экономики домохозяйств, отметил, что «четыре из 10 взрослых при возникновении неожиданных расходов в размере \$400 либо не могут найти эту сумму, либо вынуждены продать что-то или влезть в долг... ситуация улучшилась по сравнению с 2013 г., когда такие расходы не могла позволить себе половина взрослых». Также было установлено, что «более одной пятой взрослых не может полностью справиться со своими текущими ежемесячными расходами» и что «более одной четверти взрослых отказывались от необходимого медицинского обслуживания в 2017 г. из-за неспособности оплатить

Безос (Amazon), Билл Гейтс (Microsoft) и Уоррен Баффетт (Berkshire Hathaway) – стоят больше, чем вся нижняя половина населения США. Это прямое свидетельство того, как много богатства наверху и как мало его внизу²³.

Баффетт, легендарный инвестор-миллиардер, был совершенно прав, когда сказал: «Это действительно классовая война, ведет ее мой класс, класс богатых, и мы побеждаем»²⁴. Это было сказано не как вызов, а потому, что, на его взгляд, именно так выглядит точное описание состояния Америки. И он ясно дал понять, что считает это неправильным, даже антиамериканским.

Наша страна начиналась как представительная демократия, и Отцов-основателей беспокоила возможность того, что большинство будет подавлять меньшинство. Во избежание этого они включили гарантии в конституцию, в том числе и ограничения на то, что может делать правительство²⁵. За

его». И то и другое совпадает с выводами другого исследования, которое показало, что у 15 % американцев нет сбережений, а у 50 % сбережения не превышают \$1000. См.: Board of Governors of the Federal Reserve System, “Report on the Economic Well-Being of U. S. Households in 2017,” Federal Reserve Board, May 2018, <https://www.federalreserve.gov/publications/files/2017-report-economic-well-being-us-households-201805.pdf>; и Cameron Huddleston, “More than Half of Americans Have Less than \$1,000 in Savings in 2017,” GOBankingRates, Sept. 12, 2017.

²³ Oxfam, *Reward Work, Not Wealth*, Oxfam Briefing Paper, Jan. 2018.

²⁴ Слова Уоррена Баффетта взяты из статьи Бена Стайна. См.: Ben Stein, “In Class Warfare, Guess Which Class Is Winning,” *New York Times*, November 26, 2006.

²⁵ В дополнение к старым правовым доктринам, унаследованным США от Ве-

200 с лишним лет, однако, ситуация изменилась. Сегодня в США есть политическое меньшинство, которое если не подавляет большинство, то как минимум занимает по отношению к нему доминирующее положение, не давая большинству делать то, что могло бы пойти на пользу всей стране. Подавляющая часть электората хотела бы видеть более жесткий контроль за оружием, более высокую минимальную заработную плату, более жесткое финансовое регулирование и более широкий доступ к медицинским услугам и образованию без обременительных долгов. Большинство американцев голосовало за Эла Гора, а не за Джорджа Буша, за Хиллари Клинтон, а не за Дональда Трампа. Большинство американцев вновь и вновь голосует за демократов на выборах в палату представителей, однако в определенной мере в результате предвыборных махинаций республиканцы практически всегда сохраняли контроль – в 2018 г. наконец демократы со значительным перевесом обрели контроль. Подавляющее большинство американцев голосовало за сенаторов-демократов²⁶, однако в результате того, что штаты с ма-

ликобритании, были введены такие ограничения, как доктрина доверительной собственности, в соответствии с которой государство («суверен») распоряжается как доверительный собственник определенными природными ресурсами в интересах будущих поколений и поэтому не может полностью приватизировать их или допустить их разорение.

²⁶ По данным газеты *New York Times*, 59,2 % голосов были отданы за сенаторов-демократов. См. результаты голосования в “U. S. Senate Election Results 2018,” Jan. 28, 2019, <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-senate-elections.html?action=click&module=Spotlight&pgtype=Homepage>.

лочисленным населением вроде Вайоминга имеют по два сенатора, как и наши самые густонаселенные штаты Нью-Йорк и Калифорния, республиканцы сохраняют контроль над сенатом, который важен из-за его роли в утверждении состава Верховного суда. Как ни прискорбно, суд перестал быть справедливым арбитром и толкователем конституции и превратился в еще одно поле политических баталий. С той поры, как меньшинство заняло доминирующее положение, наши конституционные гарантии перестали распространяться на большинство.

Последствия такой деформации выходят далеко за пределы экономики: они затрагивают не просто политику, но и характер нашего общества и самосознания. Несбалансированность, эгоистичность и недальновидность государства ведет к появлению несбалансированных, эгоистичных и близорукых людей, усиливая недостатки нашей экономической и политической системы²⁷. Финансовый кризис 2008 г. высветил безнравственность многих наших банкиров и раскрыл их предельную бесчестность и готовность поживиться за счет беззащитных. Эти грехи в высшей степени поразительны в

²⁷ Может возникнуть вопрос, не является ли причинно-следственная связь обратной – вероятно, это эгоистичные и недальновидные люди приводят к появлению экономики с такими характеристиками? Как ни крути, эгоизм и недальновидность – это качества, присущие человеку. Однако от правил, которые определяют характер экономики и то, как она функционирует, очень сильно зависит, в какой мере будут проявляться эти качества по сравнению, скажем, с альтуизмом, эмпатией и заботой об обществе.

стране, где на протяжении многих десятилетий в политических дискуссиях апеллируют к «ценностям».

Для понимания того, как восстановить общий рост, нужно начинать с понимания истинных источников богатства нашего народа, как, впрочем, и любого другого. Истинными источниками богатства являются производительный труд, творческие способности и активность народа; достижения науки и техники в последние два с половиной столетия; а также успехи экономической, политической и социальной организации за тот же отрезок времени, включая верховенство закона, конкурентные, хорошо регулируемые рынки и демократические институты с их сдержками, противовесами и широким спектром организаций, занимающихся «установлением истины». Именно эти достижения создали основу для громадного повышения уровня жизни, произошедшего за два последних столетия.

Следующая глава посвящена двум тревожным изменениям последних четырех десятилетий, о которых мы уже упоминали: замедление роста, а также стагнация и даже снижение доходов значительной части населения. Между теми, кто наверху, и остальными образовался зияющий разрыв.

Простого *описания* траектории, по которой движется наша экономика и общество, недостаточно. Нам необходимо глубже понять силу идей и интересов, уводивших нас с правильного курса на протяжении последних четырех десятилетий, выяснить, почему они захватили умы стольких людей

и почему они в корне ошибочны. Решение отдать определение экономических и политических целей и задач на откуп корпоративным интересам привело к усилению концентрации экономической и политической власти, и этот процесс продолжается. Понимание причин, по которым наша экономическая и политическая система перестала служить нам, – это лишь пролог к тому, чтобы увидеть возможность существования иного мира.

В этой возможности есть позитивный момент: к осязаемому общему процветанию могут привести довольно простые реформы – простые с экономической точки зрения, но не с политической. Как мы увидим, можно сделать экономику более созвучной с тем, что, на мой взгляд, считается общепринятыми базовыми ценностями – не жадность и бесчестность, продемонстрированные нашими банкирами, а высшие ценности, так часто провозглашаемые политическими, экономическими и религиозными лидерами. Такая экономика будет изменять наш облик – приближать нас к обществу, о котором мы мечтаем. А эти изменения позволят создать более человечную экономику, способную обеспечить подавляющему большинству граждан жизнь на уровне среднего класса, которая сейчас становится для них все менее достижимой.

Богатство народов

Вышедшая в 1776 г. знаменитая книга Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» – хорошая отправная точка для того, кто решил разобраться в источниках благосостояния народов. Ее обычно считают началом современной экономической науки. Смит справедливо критикует меркантилизм, экономическое учение, доминировавшее в Европе в эпоху Возрождения и в начале индустриального периода. Меркантилисты отстаивали необходимость экспорта товаров в обмен на золото, которое, по их мнению, должно было сделать их хозяйство богаче, а страны политически могущественнее. Казалось бы, над столь недалёковидной политикой можно лишь посмеяться: заполнение сейфов золотом не приводит к повышению уровня жизни. Однако похожее заблуждение широко распространено и сегодня, особенно среди тех, кто утверждает, что экспорт должен превышать импорт, и проводит соответствующую ничем не обоснованную политику.

Реальное богатство страны определяется ее способностью устойчиво производить, высоким уровнем жизни всех ее граждан. Это, в свою очередь, поддерживается устойчивым ростом производительности труда, который обеспечивается инвестициями частично в основные средства, но главное – в *приобретение знаний*, а также поддержанием полной заня-

тости таким образом, чтобы имеющиеся ресурсы не выбрасывались на ветер и не лежали мертвым грузом. Это определенно не имеет никакого отношения к простому накоплению финансового богатства или золота. Далее я покажу, что фокусирование внимания на финансовом богатстве вредно – оно растет в ущерб реальному богатству страны, его накопление является одной из причин замедления роста в нашу эру финансиализации.

Смит, который писал свою книгу на заре промышленной революции, не мог полностью раскрыть, откуда берется реальное богатство народов сегодня. Источником богатства Великобритании в то время, да и в последующем столетии, в значительной мере была эксплуатация колоний. Смит, однако, сфокусировал внимание не на экспорте, не на эксплуатации колоний, а на роли промышленности и торговли. Он говорил о преимуществах, которые на крупных рынках приобретает специализация²⁸. Это, конечно, правильно, но не объясняет основу богатства страны в современных экономических условиях: Смит ничего не говорил об исследованиях и разработках или о приобретении знаний опытным путем, то есть о том, что экономисты называют «обучением в процессе деятельности»²⁹. Причина была простой: технический про-

²⁸ Его классический пример – булавочная фабрика. Понятно, что все, о чем он думал, очень сильно отличалось от современной инновационной экономики.

²⁹ См.: Kenneth. J. Arrow, “Economic Welfare and the Allocation of Resources to Invention,” в книге *The Rate and Direction of Inventive Activity: Economic and Social Factors*, ed. Universities-National Bureau Committee for Economic Research

гресс и обучение играли незначительную роль в экономике XVIII в.

На протяжении многих веков до выхода в свет работы Смита уровень жизни практически не менялся³⁰. Чуть позже Смит экономист Томас Роберт Мальтус выдвинул идею о том, что это рост населения не позволяет заработной плате превысить прожиточный минимум. В соответствии с его представлениями, как только заработная плата превышает прожиточный минимум, население начинает расти и возвращает заработную плату на прежний уровень. Для повышения уровня жизни просто нет никаких возможностей. Мальтус был совершенно неправ.

Эпоха Просвещения и ее последствия

Смит жил в период интеллектуального расцвета в кон-

and the Committee on Economic Growth of the Social Science Research Council (Princeton: Princeton University Press, 1962), 467–92; Kenneth J. Arrow, “The Economic Implications of Learning by Doing,” *The Review of Economic Studies* 29, no. 3 (June 1962): 155–73; и Joseph E. Stiglitz and Bruce Greenwald, *Creating a Learning Society, A New Approach to Growth, Development and Social Progress* (New York: Columbia University Press, 2014; reader’s edition published 2015).

³⁰ Зарплата работников немного выросла во время эпидемии чумы из-за нехватки рабочей силы – продемонстрировав, что в экономическом законе предложения и спроса есть нечто рациональное, – однако затем упала. См.: Stephen Broadberry, Bruce Campbell, Alexander Klein, Mark Overton, and Bas van Leeuwen, *British Economic Growth, 1270–1870* (Cambridge: Cambridge University Press, 2015).

це XVIII в., который называют эпохой Просвещения. Нередко ассоциируемая с научной революцией, эпоха Просвещения была следствием достижений предшествующих столетий, начиная с времен протестантской Реформации. До Реформации XVI в., которую вначале возглавил Мартин Лютер, право на истину принадлежало власти. Реформация поставила под сомнение авторитет власти, и в Тридцатилетней войне, начавшейся в 1618 г., европейцы сражались за альтернативные парадигмы.

Сомнения в авторитете власти заставили общество искать ответы на вопросы: как мы познаем истину? Как мы познаем мир вокруг нас? И как нам следует организовать общество?

Появилась новая теория познания, которая охватывала все аспекты жизни кроме духовного мира: иначе говоря, наука с ее системой доверия на основе подтверждения, где каждое достижение опиралось на более ранние исследования и прогресс, достигнутый предшественниками³¹. Появились университеты и исследовательские институты, помогавшие выявлять истину и постигать природу нашего мира. Многие вещи, воспринимаемые нами сегодня как нечто само собой разумеющееся, от электричества до транзисторов и компью-

³¹ Критически важным аспектом научного процесса является многократная проверка и подтверждение результатов, а также ясность в отношении научной точности и степени уверенности в результатах, полученных разными способами. Наука, таким образом, является социальным предприятием: мы знаем и верим в то, что делаем, в результате коллективных действий тысяч исследователей, которые действуют в строгих рамках научного метода.

теров, смартфонов, лазеров и современной медицины, являются результатом научных открытий, поддерживаемых фундаментальными исследованиями. И это не только высокотехнологичные новшества: даже дороги и здания являются результатом научного прогресса. Без него у нас не было бы небоскребов и автомагистралей, не было бы и современных городов.

Отсутствие королевской или церковной власти, диктующей, какой будет социальная организация, означало, что общество должно само определять это. Оно не могло надеяться на то, что власть – земная или небесная – устроит все как надо. Ему пришлось создавать системы управления. Создание социальных институтов, которые обеспечат благополучие общества, было более сложной задачей, чем поиск истинных законов природы. Обычно в этой сфере невозможно экспериментировать в контролируемых условиях. Впрочем, полезным может быть изучение прошлого опыта. Приходится полагаться на логические построения и обмен мнениями, то есть признать, что ни у кого нет монополии на правильное представление о социальной организации. Эти логические построения приводят к осознанию важности верховенства закона, надлежащей правовой процедуры и системы сдержек и противовесов, подкрепленных фундаментальными ценностями вроде правосудия для всех и свободы личности³².

³² Каждая из этих концепций сложна и деликатна, а их условиями нередко пре-

Наша система управления с ее обязательством справедливо относиться ко всем требовала установления истины³³.

небрегают. Феодалы говорили о верховенстве закона, хотя они притесняли крестьян, работающих на них; то же самое можно сказать и о рабовладельцах на Юге, которые в соответствии с «законом» возвращали беглых рабов (см.: Eric Foner, *Gateway to Freedom: The Hidden History of the Underground Railroad* [Oxford: Oxford University Press, 2015]). Американская судебная система – с ее массовым лишением людей свободы или с массовым лишением домовладельцев жилья в результате автоматического подписания документов, несмотря на отсутствие долгов (см.: Stiglitz, *Freerfall* и *The Great Divide*, 170–3), – обеспечивает «справедливость для всех» только до тех пор, пока эти все являются богатыми и белыми. Дискуссия, которая развернута далее на страницах этой книги, более ясно показывает, что я имею в виду. В последующих главах эти идеи рассматриваются с других точек зрения, например в связи с ограничением свободы одного человека, когда она вступает в конфликт со свободой других людей.

³³ Ученые подчеркивают, что мы не знаем ничего абсолютно достоверно, а довольствуемся лишь приемлемым уровнем определенности. В некоторых случаях у нас нет уверенности в том, какое решение следует считать правильным – на этот счет может существовать слишком много разных взглядов. Однако мы можем сделать так, чтобы процесс принятия решения был справедливым и чтобы голос каждого был услышан. Каждый человек при принятии решений делает ошибки: как заметил Шекспир, «людям свойственно ошибаться». Однако, когда мы принимаем решения коллективно, вероятность допущения ошибки уменьшается. Таким образом, в нашей системе уголовного правосудия с ее презумпцией невиновности до тех пор, пока вина не доказана, единодушное признание вины двенадцатью присяжными не гарантирует правильности решения, даже если судебное разбирательство было справедливым. Но это повышает вероятность правильности решения – или, как минимум, мы думаем так, пока дальнейшее расследование не выявит скрытую предвзятость (например, серьезную дискриминацию). С течением времени мы улучшаем организационный процесс, процедуру решения, например, вопроса о том, как учитывать склонность человека к ошибкам при выборе проектов, балансировании рисков, связанных с отказом от хороших проектов и принятием плохих. См., например: Raaj Sah and Joseph E. Stiglitz, “Human Fallibility and Economic Organization,” *American Economic Review*

Наличие надлежащей системы управления повышает вероятность принятия хороших и справедливых решений. Они не обязательно должны быть идеальными, главное, чтобы их можно было корректировать при обнаружении недостатков.

Со временем появился широкий спектр институтов, обеспечивающих высказывание истины, выявление истины и подтверждение истины, именно им мы в значительной мере обязаны успешностью нашей экономики и демократии³⁴. Центральное место среди них занимают активные средства массовой информации. Как и любые другие институты, они допускают ошибки, но их расследования являются частью системы сдержек и противовесов и важным общественным благом.

Технический и научный прогресс³⁵ наряду с изменения-

75, no. 2 (1985): 292–96; и Raaj Sah and Joseph E. Stiglitz, “The Architecture of Economic Systems: Hierarchies and Polyarchies,” *American Economic Review* 76, no. 4 (1986): 716–27.

³⁴ Важной группой связанных институтов являются наши образовательные учреждения, которые учат людей тому, как следует подходить к выявлению истины и ее оценке.

³⁵ Роберт Солоу из Массачусетского технологического института показал, что в огромной мере повышение уровня жизни обусловлено научным и техническим прогрессом. За эту работу он получил Нобелевскую премию по экономике в 1987 г. Его перу принадлежат две классические статьи: “A Contribution to the Theory of Economic Growth,” *Quarterly Journal of Economics* 70, no. 1 (1956): 65–94; и “Technical Change and the Aggregate Production Function,” *Review of Economics and Statistics* 39, no. 3 (1957): 312–20. Его работа вызвала к жизни огромный объем исследований, связанных с анализом роли технологических изменений. Другим важнейшим фактором повышения производительности тру-

ми в социальной, политической и экономической организации, связанными с эпохой Просвещения, привел к такому росту объема производства, который опередил прирост населения, поэтому доход на душу населения начал повышаться. Общество научилось сдерживать рост населения, и в развитых странах люди все чаще стали ограничивать размер семьи, особенно с повышением уровня жизни. Мальтузианское проклятие было снято. Так начался рост уровня жизни, который мы наблюдаем уже более 250 лет (см. рис. 1: уровень жизни, остававшийся практически неизменным на протяжении многих веков, начал быстро повышаться, сначала в Европе к концу XVIII – началу XIX в., а потом и в других частях мира, особенно после Второй мировой войны³⁶). Вы-

да являются инвестиции в основные средства. В числе прочих факторов следует упомянуть сокращение продолжительности рабочего дня, повышение образовательного уровня и более эффективное распределение ресурсов. Еще раньше Йозеф Шумпетер в своей книге 1943 г. «Капитализм, социализм и демократия» (*Capitalism, Socialism and Democracy*) обратил внимание на значение инноваций, подчеркнув, что они намного важнее, чем те аспекты, на которых экономисты обычно концентрируют внимание. Однако он не пытался количественно оценить относительную роль инноваций, как это сделал Солоу. (Обсуждение работы Шумпетера и современной теории роста и инноваций см. в моем введении к книге *Capitalism, Socialism and Democracy*, выпущенной в 2010 г. издательством Routledge.)

³⁶ Как Брюс Гринвальд и я написали в начале нашей книги «Создание обучающегося общества» (*Creating a Learning Society*), «со времен Римской империи, когда появились первые данные о выпуске продукции на душу населения, до 1800 г. средний уровень жизни людей практически не менялся... В структуре потребления подавляющего большинства людей основное место занимала еда, а еда ограничивалась основными продуктами питания... Жилища барачно-

росла и продолжительность жизни, в результате чего мы так много выиграли³⁷. Судьба человечества изменилась карди-

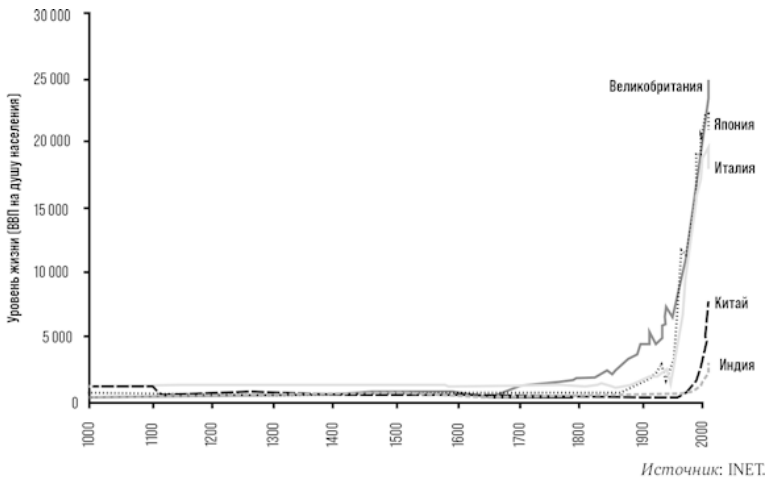
го типа не позволяли уединиться... Одежда была утилитарной и редко состояла из нескольких комплектов с дополнением в виде чего-то более теплого в холодное время. Медицинского обслуживания практически не существовало... Досу практически отсутствовал, а развлечения были примитивными. Только небольшая группа аристократов наслаждалась тем, что мы сегодня считаем приемлемым для людей уровнем жизни... Лишь с 1800 г. и, особенно, в середине и конце XIX в. уровень жизни, доступный богатым, начал распространяться в Европе, Северной Америке и Австралии».

³⁷ Излагаемые здесь идеи прорабатываются в книге Стиглица и Гринвальда «Создание обучающегося общества» (Creating a Learning Society). Их впервые высказал выдающийся специалист по истории развития экономики Джоэль Мокир из Северо-Западного университета в своей книге «Культура роста: Истоки современной экономики» (A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy, Princeton: Princeton University Press, 2016). В своей книге мы утверждаем, что одним из препятствий на пути к нашему росту сегодня является усиление погоны за рентой, в частности связанной с монопольной прибылью. Это не противоречит историческим фактам, представленным Мокиром. Мы, Мокир и другие, очень часто видим это при исследовании уровня жизни, особенно того, что называют институтами просвещения, образовательные и исследовательские учреждения (включая, что особенно важно, наши университеты), а также политических и экономических институтов, о которых мы говорили ранее, в частности верховенства закона. Не так давно Стивен Пинкер выпустил очень авторитетную книгу, где также прослеживается изменение уровня жизни вплоть до эпохи Просвещения: «Просвещение сегодня: Доводы в пользу рациональности, науки, гуманизма и прогресса» (Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism and Progress, New York: Penguin, 2018). Конечно, экономические силы никуда не деваются: даже до промышленной революции в Англии была экономика с высокой оплатой труда / низкими затратами энергии, и это помогало пробиваться инновациям, нацеленным на сокращение использования труда/энергии. После эпидемии чумы уровень заработной платы также был сравнительно высоким, однако это не привело к дальнейшему его росту, который начался несколько столетий спустя. Эпоха Просвещения создала контекст, в котором высокий уровень

нальным образом. Если в прошлом чуть ли не все силы уходили на то, чтобы добыть предметы первой необходимости, то теперь для их получения нужно работать всего несколько часов в неделю³⁸.

заработной платы / низкие цены на энергию привели к промышленной революции. См.: Robert C. Allen, *The British Revolution in Global Perspective* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009). (В этой книге изложена хорошо проработанная теория «индуцированных» инноваций, зародившаяся в 1960-х гг.) Существуют, конечно, и другие примеры заметного прогресса в сфере обучения и техники. Так, некоторые историки считают, что первая промышленная революция произошла во Фландрии с началом использования водяных мельниц в 1100-х гг. Отличительной чертой достижений XVIII в. было то, что они не только расширили рынок (как подчеркивает Аллен), но и привели к научному прогрессу, который обеспечил *устойчивый* рост.

³⁸ Кейнс в своем знаменитом эссе «Экономические возможности для наших внуков» (см.: *Essays in Persuasion*, London: MacMillan, 1931, 321–2) проанализировал последствия огромного роста производительности труда. См. также: Joseph E. Stiglitz, “Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes’ Economic Possibilities for Our Grandchildren,” in *Revisiting Keynes: Economic Possibilities for Our Grandchildren*, eds. Lorenzo Pecchi and Gustavo Piga (Cambridge, MA: MIT Press, 1987), 41–87.

Источник: INET.

Рис. 1. Историческое изменение уровня жизни

В XIX в., однако, плоды этого прогресса распределялись очень неравномерно³⁹. На деле у многих жизнь стала тяжелее. Как выразился Томас Гоббс более чем за столетие до этого⁴⁰, «жизнь была грязной, жестокой и короткой», а промышленная революция сделала ее для многих еще хуже. Романы Чарльза Диккенса очень ярко описывают страдания людей в Англии в середине XIX в.

В Соединенных Штатах неравенство достигало новых пи-

³⁹ Как детально объясняется далее, из-за ограничительной по своему характеру практики на рынке труда и дискриминации, особенно женщин и темнокожих, большие группы людей ничего не получили от этого прогресса.

⁴⁰ См.: Thomas Hobbes, *Leviathan*, 1651.

ков в конце XIX в. – в «Позолоченный век» и «Бурные двадцатые»⁴¹. К счастью, правительство не осталось в стороне: законодательство Прогрессивной эры⁴² и Новый курс были нацелены на ограничение игры на рыночной власти и устранение проявившихся недостатков рынка, включая неприемлемый уровень неравенства и чувства незащищенности⁴³. При президенте Франклине Рузвельте США приняли программу социальной защиты, которая официально называлась страхованием по старости, потере кормильца и нетрудоспособности. Позднее президент Линдон Джонсон обеспечил медицинским обслуживанием престарелых и развернул войну с бедностью. В Великобритании и большинстве стран Европы государство взяло на себя обеспечение медицинского обслуживания всего населения, и США стали единственной развитой страной, не признающей доступ к медицинскому обслуживанию одним из прав человека. К середине прошлого столетия развитые страны создали то, что тогда называли «общество среднего класса», где плодами прогресса пользовалось, как минимум в приемлемой степени, большинство граждан, и, если бы политика на рынке труда не

⁴¹ «Бурные двадцатые» – образное название 1920-х гг., периода интенсивной урбанизации страны. – *Прим. пер.*

⁴² Прогрессивная эра – период политики реформизма 1900–1917 гг., проводимой президентами Теодором Рузвельтом и Вудро Вильсоном. – *Прим. пер.*

⁴³ Аналогичная реакция наблюдалась и в Европе, в одних случаях раньше, чем в США, в других позже. (Германия при канцлере Отто фон Бисмарке стала первой страной, которая ввела государственное пенсионное страхование в 1889 г.)

дискриминировала людей по расовому и гендерному признакам, число получателей благ прогресса было бы еще больше. Граждане стали жить дольше и меньше болеть, приобретать хорошее жилье и одежду. Государство заботилось об образовании их детей и таким образом открывало перспективу для еще большего процветания и равенства возможностей. Кроме того, государство взяло на себя в определенной мере заботу о престарелых и социальную защиту от таких рисков, как безработица и нетрудоспособность.

Развитие рыночных и политических институтов, начавшееся в XVIII в., не всегда протекало гладко. Периодически случались кризисы, из которых самым тяжелым была Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г. США не могли оправиться от ее последствий до самой Второй мировой войны. До войны правительство выплачивало пособие тем, кто временно не мог найти работу. После войны развитые страны взяли на себя обязательство обеспечить полную занятость.

Движение в поддержку равного распределения плодов прогресса тоже не всегда было стабильным. Как уже говорилось в этой главе, ситуация сильно ухудшилась в конце XIX в. и в 1920-х гг., но в десятилетия после Второй мировой войны заметно оздоровилась. Хотя доходы росли у всех групп населения, у тех, кто находился внизу, они повышались быстрее, чем у находившихся наверху. Но затем, в конце 1970-х – начале 1980-х гг., произошел крайне неприятный поворот. Доходы групп в нижней части социальной

лестницы перестали расти и даже начали снижаться, в то время как у других групп они резко пошли вверх. У богатых средняя продолжительность жизни продолжала расти, а у менее образованной части населения она стала сокращаться.

Контратака

У прогресса, ассоциируемого с эпохой Просвещения, всегда существовали недруги. В их перечень нынче входят религиозные консерваторы, которым не по вкусу идеи вроде эволюции, и те, кого не устраивают терпимость и либерализм, проповедуемые сторонниками Просвещения⁴⁴. К ним добавляются люди, чьи экономические интересы входят в противоречие с научными открытиями. Например, владельцы угольных компаний и их работники, перед которыми маячит перспектива принудительного прекращения добычи угля с учетом того, что его сжигание является одной из главных причин глобального потепления и изменения климата. Однако эта коалиция религиозных и социальных консерваторов вместе с теми, чьи своекорыстные интересы находятся в прямом противоречии с научными фактами, недостаточно широка, чтобы иметь политическую власть. Такая власть

⁴⁴ Я должен подчеркнуть, что связь между консерватизмом и антилиберализмом не является чем-то предопределенным. Однако ситуация складывается именно так, хотя немало выдающихся консерваторов могут служить примером толерантности. – *Прим. авт.*

требует поддержки со стороны деловых кругов. И они предоставляют помощь в обмен на дерегулирование и снижение налогов. В США скрепляющей силой для этого альянса стал неожиданно свалившийся нам на голову президент Дональд Трамп. Тягостно видеть, как президент, склонный к нетерпимости, женоненавистничеству, национализму и протекционизму – то есть к тому, что совершенно не вяжется с ценностями, декларируемыми в бизнес-сообществе, – молча делает все, чтобы деловые круги могли получить более комфортную бизнес-среду с минимальным регулированием и особенно налоговые поблажки для себя и своих компаний. Предельно очевидно, что деньги в их карманах и жадность перевешивают все остальное.

С самого начала предвыборной кампании и особенно после вступления в должность президента Дональд Трамп выходил далеко за пределы традиционной «консервативной» программы. В некоторых отношениях, как уже отмечалось, он фактически является революционером: он не прекращает нападки на центральные институты нашего общества, с помощью которых мы пытаемся приобретать знание и устанавливать истину. В числе его целей университеты, научное сообщество и судебная система. Самым яростным атакам, конечно, подвергаются основные новостные каналы информации, которые окрестили «лженостными каналами». Парадокс в том, что именно там проверка достоверности фактов стоит на первом месте, а Трамп беззастенчиво и регулярно

лжет⁴⁵.

Подобные нападки не только беспрецедентны для Америки, они к тому же разрушительны для нашей демократии и экономики. Хотя все эти нападки хорошо известны, крайне важно понимать, что является их побудительной причиной и насколько широки цели. Важно также понимать, что истоки происходящего следует искать не в Трампе: если бы у него не было поддержки, его нападки на институты установления истины не имели бы такого эффекта. Нападки подобного характера наблюдаются и в других местах. Если бы Трамп не развязал такую войну, это сделал бы кто-нибудь еще.

В таком контексте поддержка президента Трампа со стороны деловых кругов выглядит исключительно циничной и обескураживающей особенно для тех, кто хоть немного помнит о распространении фашизма в 1930-х гг. Историк Роберт Пакстон проводит параллели между благосклонностью Трампа к богатым и стратегией, лежавшей в основе зарождения нацизма в Германии⁴⁶. Как и Трамп, фашисты получи-

⁴⁵ Газета *Washington Post* подсчитала, сколько раз он лгал, и выяснила, что Трамп сделал 8158 «ложных или вводящих в заблуждение заявлений» за первые два года пребывания в должности. См.: Glenn Kessler, Salvador Rizzo, and Meg Kelly, “President Trump Made 8,158 False or Misleading Claims in His First Two Years,” *Washington Post*, Jan. 21, 2019.

⁴⁶ См.: Patt Morrison, “Patt Morrison Asks: Robert O. Paxton Talks Fascism and Donald Trump,” *Los Angeles Times*, Mar. 9, 2016. Книга Пакстона «Анатомия фашизма» (*The Anatomy of Fascism*, New York: Knopf, 2004) является исчерпывающей работой на эту тему. Хотя эта замечательная книга была написана 15 лет назад, кажется, что речь в ней идет о происходящем сегодня.

ли поддержку явного меньшинства, которого было недостаточно для прихода к власти демократическим путем, – у них никогда не было ничего похожего на большинство голосов. Успех Трампу принесла коалиция с деловыми кругами, как и в те времена, когда фашисты пришли к власти. Они смогли сделать это только в результате поддержки широкой консервативной коалиции, в которую входили и деловые круги.

Атака на университеты и науку

Нападки на университеты привлекли меньше внимания, чем нападки на средства массовой информации, однако они не менее опасны для будущего нашей экономики и демократии. Университеты являются тем источником, из которого берется все остальное. Кремниевая долина – центр инновационной экономики страны – стала тем, что она представляет собой, благодаря технологическим достижениям двух наших лучших университетов – Стэнфордского университета и Калифорнийского университета в Беркли. Массачусетский технологический институт и Гарвардский университет аналогичным образом дали начало грандиозному биотехнологическому центру в Бостоне. Репутация нашей страны как лидера в сфере инноваций зиждется на знаниях, получаемых в национальных университетах.

Наши университеты и научно-исследовательские центры не только генерируют передовые знания – они притягивают

к нашим берегам ведущих предпринимателей. Многих привлекла сюда возможность учиться в лучших университетах. С 1995 по 2005 г., например, иммигранты основали 52 % всех новых компаний Кремниевой долины⁴⁷. Иммигранты учредили также более 40 % компаний, входивших в 2017 г. в список Fortune 500⁴⁸.

Несмотря на это, Трамп пытался урезать государственное финансирование фундаментальных исследований в бюджете 2018 г.⁴⁹ Помимо этого, наверное впервые за *все времена*, налоговый закон республиканцев в 2017 г. предусмотрел налогообложение частных некоммерческих университетов, многие из которых играли центральную роль в научном прогрессе, а значит, в повышении уровня жизни и обеспечении конкурентного преимущества Америки.

Некоторые республиканцы критикуют наши университеты за идейность и нетерпимость к ханжеству и сексизму.

⁴⁷ См.: Adam Bluestein, “The Most Entrepreneurial Group in America Wasn’t Born in America,” *Inc.*, Feb. 2015.

⁴⁸ См.: Rose Leadem, “The Immigrant Entrepreneurs behind Major American Companies (Infographic),” *Entrepreneur*, Feb. 4, 2017. Илон Маск (компания Tesla и SpaceX) проучился два года в Королевском университете в Канаде, а затем перевелся в Пенсильванский университет, где получил степень бакалавра по физике и экономике. Хамди Улукайя, основатель Chobani, компании по производству йогуртов, приехал в Соединенные Штаты для изучения английского языка в Университете Адельфи.

⁴⁹ К счастью, конгресс не стал к нему прислушиваться: в бюджете на 2018 г. заложено увеличение расходов на науку на 12 %, а не урезание на 17 %, как предлагал Трамп.

Действительно, профессора почти повсеместно учат, что изменение климата реально, а многие высказывают сомнения в отношении экономики предложения. Университеты к тому же не уделяют серьезного внимания теориям плоской земли в географии, флогистона в химии или сохранения золотого стандарта в экономике. Существуют и другие идеи, которым заслуженно не уделяют внимания в высшем образовании⁵⁰. Было бы преступно учить устаревшим идеям, многократно опровергнутым с помощью естественно-научных методов.

До сих пор университетам удавалось устоять. Однако можно догадаться, что произойдет с американской экономикой и нашим положением в мире, если Трамп и иже с ним решат вести эту войну до победного конца. Мы быстро потеряем свою позицию в авангарде инновационного мира. Уже сейчас другие страны пользуются плодами антииммигрантской и враждебной по отношению к науке политики Трампа: Канада и Австралия, например, активно занимаются привлечением талантливых студентов и созданием исследовательских институтов и лабораторий, способных играть роль альтернативы Кремниевой долине.

⁵⁰ Наши СМИ нередко подвергаются справедливой критике за перекосы в освещении событий. Хотя 99,9 % ученых убеждены в изменении климата, некоторые медиаисточники предоставляют равный голос оставшейся 0,1 %, узаконивая мнение тех, кто отрицает изменение климата.

Атака на судебную систему

Ни одно общество не застраховано от возникновения споров и расхождения сторон во мнениях, такое может случиться с людьми, компаниями или группой людей и правительством. Задача наших судов заключается в выявлении истины в той мере, в какой это возможно. Практически по определению, разрешение подобных споров дается непросто – если бы это было не так, стороны улаживали бы разногласия самостоятельно, а не прибегали бы к недешевым и требующим времени судебным процедурам. Когда суды выносят решения, которые Трампу не по вкусу, он начинает говорить о «так называемых судьях». Его пренебрежительное отношение к судебной власти ярче всего проявляется в готовности назначать совершенно неквалифицированных судей – у одного из кандидатов в Федеральный суд округа Колумбия Мэтью Спенсера Петерсена вообще не было опыта судебных разбирательств. Петерсен снял свою кандидатуру после уничижительного опроса во время слушаний перед утверждением, однако он оказался самым неквалифицированным в группе почти таких же выдвиженцев Трампа.

Оправдание атак – самозащита

Такая закономерность не случайна. С точки зрения Трампа и его сторонников, опасность всех институтов установления истины заключается в том, что они высказывают взгляды, которые противоречат предвзятому мнению Трампа и тех, кто находится в его окружении и его партии. Подобные атаки и попытка создать другую реальность давно являются частью фашизма, начиная с «большой лжи» Геббельса⁵¹. Вместо того чтобы привести свои взгляды в соответ-

⁵¹ Некоторые историки относят этот термин к самому Гитлеру, а не к его главному пропагандисту. В книге «Моя борьба» Гитлер писал, что «большая ложь всегда звучит убедительно; ...они скорее клонут на большую ложь, чем на маленькую, поскольку сами нередко врут по мелочам, но стыдятся прибегать к крупномасштабному обману. Им и в голову не приходит сфабриковать колоссальную ложь, а потому они и не верят в то, что другие могут иметь наглость так безобразно исказить правду. Хотя факты, доказывающие это, довольно очевидны, они все равно сомневаются, раздумывают и продолжают думать, что может существовать какое-то другое объяснение. Беспардонная ложь никогда не проходит бесследно, даже если ее разоблачают. Этот факт хорошо известен всем профессиональным лгунам в этом мире и всем, кто тайно упражняется в искусстве лжи» (Mein Kampf, trans. James Murphy, London: Hurst and Blackett, 1939). Гитлер при этом обвинял в большой лжи евреев. Геббельс превратил большую ложь в инструмент политики, хотя приписывал ее другим – британцам: «Англичане руководствуются принципом, что если лжешь, то ложь должна быть большой, и никогда не отступают от него. Они продолжают держаться за свою ложь, несмотря на риск оказаться в глупом положении». Йозеф Геббельс, 12 января 1941 г. (“Aus Churchills Lügenfabrik,” *Die Zeit ohne Beispiel*. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1941, 364–69; перевод на английский доступен в Архиве герман-

ствие с реальностью (например, в вопросе изменения климата), Трамп обрушивается с нападками на тех, кто занимается выявлением истины. То, что подобные нападки находят такой отклик, свидетельствует в определенной мере о недостатках нашей системы образования. Однако нельзя винить в происходящем только это. Достижения в сфере поведенческой экономики и маркетинга говорят о том, что восприятием и представлениями можно манипулировать. Табачные компании успешно используют определенные методы с тем, чтобы поставить под сомнение научные факты о вреде курения для здоровья, а разные фирмы убеждают людей покупать продукты, которые те в противном случае никогда бы не приобрели, поскольку по размышлении их ненужность становится очевидной. Подобно тому, как продают плохие и даже опасные товары, можно продавать плохие и даже опасные идеи – и в этом есть серьезный экономический интерес. Стив Бэннон⁵² и Fox News прекрасно поняли это и использовали для изменения представлений по множеству тем от изменения климата до неэффективности и пристрастности правительства.

ской пропаганды, см.: German Propaganda Archive, Calvin College, accessed July 17, 2018, <http://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/goeb29.htm>).

⁵² Стив Бэннон – главный стратег избирательной кампании Дональда Трампа. – *Прим. пер.*

Внушение большинству идеи о необходимости политики, которая противоречит его интересам

То, что Трамп и его клика заинтересованы в искажении истины, неудивительно. Что вызывает вопрос, так это почему при такой высокой ставке, включая нашу демократию и рост уровня жизни за последние 250 лет, эта срежиссированная атака на главные институты и идеи нашей цивилизации нашла отклик у стольких людей. Одной из причин, заставивших меня написать эту книгу, является надежда на то, что более глубокое понимание важности этих институтов поднимет людей на их защиту.

Это, однако, не единственная загадка текущей политики. Любопытствующий может также поинтересоваться, в чем причина такой терпимости к высокому уровню неравенства в демократическом обществе. Конечно, некоторые наверху – группа, богатство и политическое влияние которой непропорционально велика, – если говорить прямо, просто жадны и близоруки. Они хотят быть на вершине независимо от того, во сколько это обойдется обществу. Многие мыслят категориями игры с нулевой суммой, которая предполагает единственный путь к богатству – отобрать что-нибудь у тех, кто находится ниже.

Впрочем, большинство находящихся наверху – если оно действительно понимает суть своего интереса – должно под-

держивать более эгалитарную политику, а уж о тех 99 % внизу, которые страдают от нынешнего неравенства, и говорить нечего. Даже 10 % верхушки, которым перепадает небольшая толика благ от роста, беспокоит снижение положения на социальной лестнице. Страдают и многие из тех, кто входит в 1 %: в других странах богатые вынуждены жить в охраняемых резиденциях и заботиться о том, чтобы их детей не похитили⁵³. Снижается общий рост экономики страны, а это тоже сказывается на 1 %, значительную долю богатства которого составляют деньги, выкачиваемые снизу. Чем меньше богатство внизу, тем меньше можно выкачать оттуда. Современная экономическая наука говорит о том, что страны с более высоким уровнем неравенства (особенно когда неравенство достигает таких масштабов, как в США, и усугубляется такой же гендерной ориентацией, как в США) довольствуются более низкими экономическими результатами⁵⁴. Экономика – это не игра с нулевой суммой; рост зависит от экономической политики – действия, усиливающие неравенство, замедляют его, особенно в долгосрочной перспективе.

⁵³ Хотя в США лишь небольшая часть богатых укрывается в районах забором, они все же чувствуют себя незащищенными. В книге «Великое разделение» я описывал званый ужин сверхбогатых, где разговор все время возвращался к необходимости ограничить безудержную алчность.

⁵⁴ Это была центральная тема моей более ранней статьи в журнале *Vanity Fair* «Демократия 1 % населения, для 1 % населения и по желанию 1 % населения» («Of the 1 percent, for the 1 percent and by the 1 percent») и книги «Цена неравенства» (The Price of Inequality). См. также ссылки, приведенные здесь, и обсуждение ниже.

Короче говоря, очень трудно найти *рациональное* объяснение для терпимого отношения к неравенству в стране. Есть и другие аспекты американской экономической политики, которым трудно дать вразумительное объяснение, если, конечно, верить в то, что люди в массе своей рациональны и поддерживают политику, соответствующую их собственным интересам, и в то, что у нас реальная демократия, где политика отражает интересы большинства. Например, за исключением собственников угле-, газо- и нефтедобывающих компаний, большинство в стране должно быть заинтересовано в принятии мер по предотвращению изменения климата.

Деньги в Америке пагубно влияют не только на политику, в более широком смысле они меняют убеждения. Братьям Кох, нефтяным и угольным компаниям, вместе с другими заинтересованными группами удалось обманом превратить значительную часть Америки в скептиков в вопросе изменения климата точно так же, как около 50 лет назад табачным компаниям удалось посеять в умах многих американцев сомнения в достоверности фактов, свидетельствующих о вреде курения для здоровья. Угольным компаниям свидетельства, касающиеся роли парниковых газов в изменении климата, нравятся не больше, чем табачным компаниям факты о связи курения с раком легких и сердечно-сосудистыми заболеваниями⁵⁵. В результате шельмования фактов во втором

⁵⁵ В октябре 2017 г. администрация Трампа запретила ученым, получившим гранты Агентства по охране окружающей среды, работать в консультационном

случае сотни тысяч людей ушли из жизни раньше, чем могли бы.

Аналогичным образом богатым удалось убедить значительную часть американцев в том, что стране будет лучше без налога на наследство, хотя это неизбежно приведет к возникновению наследуемой плутократии – явлению, прямо противоречащему американским идеалам. А ведь налог на недвижимость и наследство совершенно не касается большинства граждан, поскольку он и так фактически взимается только с тех супружеских пар, у которых больше \$11 млн.

Научные и веские аргументы заменили идеологическими соображениями. Идеология стала новым инструментом в удовлетворении жажды наживы. В некоторых районах страны сформировалась культура, которая в основе своей противоположна научным доводам. Лучшее объяснение этому я привел в предыдущих абзацах: у тех, кто делает деньги на том, что ставится под сомнение наукой, – будь это производство сигарет и химикатов или добыча угля, – есть прямой резон заронить сомнение в самой науке. Если это продолжится и если республиканцы, поддерживающие подобные взгляды, останутся у власти, то трудно сказать, сможет ли американ-

совете этого агентства из-за опасений возникновения «конфликта интересов». При этом администрация не высказывала подобных опасений в отношении членов совета, которые получили гранты от отраслей, регулируемых агентством, в частности от нефтегазовой отрасли. См.: Warren Cornwall, “Trump’s EPA Has Blocked Agency Grantees from Serving on Science Advisory Panels. Here Is What It Means,” *Science*, Oct. 31, 2017.

ская машина создания богатства, опирающаяся на научный фундамент, работать и дальше.

Провал наших элит

Если понять, почему многие поддерживают нападки на сами основы нашего экономического прогресса и демократии, трудно, то особой сложности в выявлении причин, по которым значительная часть страны ополчилась против «правлящих кругов» и их взглядов на глобализацию, финансиализацию и, в более широком смысле на экономику, нет. Элиты (обеих партий) много чего обещали, когда проводили реформы в последние четыре десятилетия, однако ничего из обещанного мы так и не увидели.

Они обещали, что снижение налогообложения богатых, глобализация и либерализация финансового рынка приведут к ускорению и стабилизации роста, от которого выиграют все. Однако несоответствие того, что обещали, и того, что получилось, оказалось слишком очевидным. Поэтому, когда Трамп назвал эти обещания «бесчестной манипуляцией», его слова нашли отклик.

Неудивительно, что после экономических провалов, о которых мы говорили, – либерализация и глобализация обогатили очень немногих, а остальным принесли стагнацию, незащищенность и нестабильность, – появился скептицизм в отношении элит и институтов знаний, из которых они, как

считалось, черпали информацию. Такой вывод ошибочен: уважаемые ученые указывали на то, что глобализация может в действительности привести к снижению заработной платы неквалифицированных работников и ухудшить их положение даже с учетом более низких цен на приобретаемые ими товары, если правительство не будет проводить активную компенсационную политику. Они подчеркивали, что финансовая либерализация ведет к нестабильности. Однако группа поддержки политики глобализации и либерализации финансового рынка заглушила их голоса⁵⁶.

Какой бы ни была причина⁵⁷, мы бросили на произвол судьбы тех, кто пострадал в процессе деиндустриализации

⁵⁶ Некоторые ученые, конечно, стали прислужниками этой идеологии и образовали группу поддержки глобализации и финансового дерегулирования. В главе 4 я объясняю с помощью обычного экономического анализа, почему торговая интеграция с развивающимися странами и рынками приводит к снижению спроса на неквалифицированный труд в США независимо от уровня его оплаты и почему, даже если мы сумеем обеспечить полную занятость, реальная заработная плата неквалифицированных работников будет падать, несмотря на рост ВВП. Когда я работал в администрации Клинтона, беспокойство вызывало бедственное положение производственных рабочих и мало кого из экономистов заботило влияние глобализации на уровень реальной заработной платы неквалифицированных работников. (Министр труда Роберт Райх был разительным исключением.) По всей видимости, даже хорошие экономисты *хотели* верить в то, что глобализация пойдет на пользу всем даже в отсутствие компенсационной политики. Экономика просачивания благ уже тогда глубоко укоренилась в умах людей.

⁵⁷ Иначе говоря, была ли это иллюзия, связанная с экономикой просачивания благ, которую я упомянул в предыдущем примечании, или ошибочное представление о том, что ухудшение положения работников – это всего лишь временное явление.

страны. Мы закрыли глаза на стагнацию зарплат и доходов и рост отчаяния. Мы думали, что «прикрытие» – пузырь на рынке недвижимости, который создал на некоторое время рабочие места в строительстве для тех, кто потерял работу в промышленности, – было реальным решением.

Короче говоря, наши элиты в обеих партиях посчитали, что концентрация внимания на ВВП может заменить концентрацию на людях. По существу, они «кинули» большую часть страны. Такое неуважение, пожалуй, не менее болезненно, чем обрушившаяся на нее экономическая трагедия.

Альтернативные теории происхождения богатства народов

Выше я обрисовал реальный источник богатства народов – тот, что опирается на науку и знания, а также на социальные институты, которые помогают нам не просто жить мирно друг с другом, а сотрудничать во имя общего блага. Еще я говорил об угрозе этому фундаменту, которая исходит от Трампа и его единомышленников. При рудиментарном наборе представлений, совершенно оторванных от реальности и обслуживающих только экономические интересы некоторых недалёковидных стяжателей (охотников за рентой), их успех был невозможен без развертывания массовой атаки на наши институты установления истины и даже на саму демократию.

Одна давнишняя и широко известная альтернативная теория происхождения богатства народов, которая, к сожалению, господствует в последние четыре десятилетия в нашей стране, предполагает, что экономика работает лучше всего, когда она полностью или как минимум по большей части находится во власти свободных рынков. Поборники подобных теорий не занимаются опровержением истины, как это делает Трамп. Как хорошие фокусники, они концентрируются больше на внешнем оформлении того, что мы видим. Если глобализация оставляет многих позади, если рейгановские реформы приводят к распространению бедности и прекращению роста доходов большей доли населения, то фокус заключается в прекращении сбора данных о бедности и замалчивании проблемы неравенства. Концентрируйтесь на конкуренции, которая всегда присутствует на рынке, а не на власти, которую имеют немногочисленные доминирующие на рынке фирмы.

Возьмите, например, типичный учебник по экономике для колледжей. Слово *конкуренция* мелькает тут и там во всех без исключения главах, а вот термин *власть* встречается от силы в одной-двух главах. Понятия *эксплуатация* вы, скорее всего, там вообще не найдете – это слово давно вымарано из традиционного словаря экономистов. Если обратиться к экономической истории американского Юга, то в ней обнаружатся, пожалуй, дебаты о (конкурентном) рынке хлопка или даже рабов, но не об эксплуататорском использо-

вании власти одной группы людей в целях присвоения плодов труда другой группы и не о том, что одна из групп использовала политическую власть для сохранения такого положения вещей после Гражданской войны. Огромное неравенство заработной платы в зависимости от пола, расы и этнической принадлежности – главная особенность американской экономики, о которой речь пойдет в следующей главе, – если и упоминается, то с использованием какого-нибудь мягкого термина вроде *дискриминации*. Только в последнее время такие убийственные слова, как *эксплуатация* и *власть*, появились в описании того, что происходит.

Недостаток конкуренции – слишком большая власть в одних руках – всего лишь одна из причин, по которым рынки зачастую работают не слишком хорошо. То, что это так, должно быть очевидно: слишком много людей с очень низким доходом, не позволяющим вести достойную жизнь; США вкладывают в здравоохранение в расчете на душу населения больше любой другой страны мира, а средняя продолжительность жизни, которая и так ниже, чем в других развитых странах, снижается; для нашей экономики характерен высокий уровень незанятых домов и, одновременно, бездомных. Самые серьезные провалы связаны с высокой безработицей – несоответствием числа рабочих мест и количества людей, желающих занять их. Великая депрессия 1930-х гг. и Великая рецессия, начавшаяся в 2007 г., – лишь два наиболее ярких примера, однако для рыночной экономики

периоды высокой безработицы были характерны с самого начала.

В каждом из этих примеров правительственная политика, даже если она работала неидеально, могла улучшить ситуацию по сравнению с той, что была бы в ином случае. Во время экономических спадов, в частности, стимулы в сфере денежно-кредитной и налоговой политики не раз успешно помогали снизить безработицу⁵⁸.

А есть ли помимо обеспечения полной занятости еще какая-то роль у правительства или все остальное должны делать сами рынки? Первое, что требуется для ответа на такой вопрос, – это признание того, что рынки являются не самоцелью, а средством достижения определенной цели – более процветающего общества. Тогда центральным становится вопрос: когда рынки обеспечивают процветание не толь-

⁵⁸ Нередко аргумент в пользу регрессивного налогообложения (от которого богатые выигрывают больше, чем бедные) состоит в том, что это приносит деньги богатым, которые создают рабочие места, а от появления рабочих мест выигрывают все. Однако такая теория опирается на три ложных допущения: о том, что высокоталантливых людей очень мало; о том, что их интересуют только материальные стимулы, а не захватывающий процесс создания нового бизнеса или удовлетворение от служения обществу; и о том, что для успеха необходимы только низкие налоги и слабое регулирование. Реальным источником новых рабочих мест является не столько наш предпринимательский класс, сколько простой *спрос*. Когда совокупный спрос высок, появляются рабочие места. Конечно, предприимчивость необходима, однако тех, кто готов стать предпринимателем, вполне достаточно, был бы только спрос и возможность получить финансирование. Роль правительства как раз и заключается в том, чтобы обеспечить появление спроса и источников финансирования.

ко верхушке, составляющей 1 % населения, но и обществу в целом? Хотя невидимая рука (идея Адама Смита о том, что преследование личной выгоды ведет в конечном итоге, словно невидимая рука, к процветанию общества) – это, пожалуй, самая главная идея в современной экономической науке, даже сам Смит признавал ограниченность власти рынков и необходимость вмешательства со стороны правительства. Современные экономические исследования – как теоретические, так и практические – углубили наше понимание принципиальной важности действий правительства в условиях рыночной экономики. Они необходимы не только для осуществления того, что рынки не могут делать, но и для создания условий, в которых рынки действуют *должным образом*.

Чтобы рынки хорошо работали сами по себе, необходимо выполнение кучи условий – конкуренция должна быть здоровой, информация – идеальной, а действия одного человека или фирмы не должны идти во вред другим (например, должно отсутствовать загрязнение окружающей среды). На практике эти условия никогда не выполняются – зачастую в крупных масштабах, – а это значит, что рынки не выполняют своих функций. До принятия природоохранного законодательства нашим воздухом невозможно было дышать, а воду нельзя было пить – такая ситуация наблюдается сейчас в Китае, Индии и других странах, где требования к защите окружающей среды слишком мягкие или слишком плохо со-

блюдаются.

Важнее всего то, что частный сектор по своей воле вкладывает слишком мало в фундаментальные исследования, которые необходимы для появления динамичной, инновационной экономики. То же самое относится и к другим сферам, где инвестиции служат общему благу (инфраструктура и образование, например). Выгоды от расходования государственных средств на эти сферы намного превосходят затраты. Такие статьи расходов необходимо финансировать, а для этого, конечно, требуются налоги⁵⁹. (Понятно, что частный сектор трубит о том, как много он делает: его прикладные исследования важны, но они опираются на фундаментальные исследования, финансируемые государством.)

Как-то раз я поинтересовался у министра финансов Швеции, почему экономика его страны функционирует так хорошо. Вот его ответ: потому, что у них высокие налоги. Он, конечно, имел в виду, что для процветания страны необходим высокий уровень государственных расходов на инфраструктуру, образование, технологию и социальную защиту и что

⁵⁹ Я должен подчеркнуть, что в случае неполной занятости в экономике правительству следует допустить дефицит бюджета, то есть позволить расходам превысить налоговые сборы. Канцлер Германии Ангела Меркель ошибочно отождествляет экономику со «швабской домохозяйкой», которая должна сбалансировать расходы и доходы своего хозяйства. Критически важная разница между ними заключается в том, что в условиях высокой безработицы увеличение расходов на общенациональном уровне приводит к созданию рабочих мест, повышению дохода и росту совокупного спроса, который, в свою очередь, подталкивает к созданию дополнительных рабочих мест по раскручивающейся спирали.

государству необходимы доходы для стабильного финансирования этих расходов. Многие из этих статей государственных расходов дополняют затраты частного сектора. Техническое развитие, финансируемое государством, поддерживает частные инвестиции. Инвесторы получают более высокую отдачу при наличии высокообразованной рабочей силы и хорошей инфраструктуры. Главным для быстрого роста является приобретение новых знаний, и лежащие в его основе фундаментальные исследования должны поддерживаться правительством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.